

О.А. Кошманова

ДЕСЬЕТ

Мит

82.3

82.3/2Рос-БХЭН-2КОН/
К43

О.А. Кошманова

ЛЕСБЕГ ОН ЖЕ ХУМПЕЛЕН-КОМПОЛЬ

-53183-1

КОНДИНСКАЯ БЫЛЬ

МУ Кондинская МЦБС
Центральная библиотека
ВНФ

ООО «Миралл»
2007

Муниципальное учреждение
Кондинская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система

УДК 373.167.1:82.0
ББК 81.2Р-96
К67

*Издание выпущено при финансовой поддержке
Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры,
Департамента по вопросам малочисленных народов
Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры,
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.*

Кошманова О. А. Лесбег. Он же Хумполэн-Комполь. Кон-
К67 **динская быль. — СПб.: Миралл, 2007. — 80 с.: ил.**
ISBN 978-5-902499-26-8

В детской повести «Лесбег» помещены сведения о Хумполэне-Комполе (по другим источникам — Снежном человеке), с которым встречались жители Конды в прошлом и настоящем, и о последствиях этих встреч.

Вторая часть повести «Лесбег» «Кричи сразу» написана по преданиям и сказкам Кондинских манси (вогулов). В ней осуществлена вековая мечта человечества — встреча человека с Хозяином лесов — Хумполэном-Комполем.

УДК 373.167.1:82.0
ББК 81.2Р-96

© Департамент по вопросам малочисленных
народов Севера ХМАО — Югры, 2007
© ОУИПИИР, 2007
© ООО «Миралл», 2007. Все права защищены

ISBN 978-5-902499-26-8

ЛЕСБЕГ

Часть первая

Кто ОН?

Оглянувшись на треск сучка, Натка тотчас повалилась на руки Толяна без дыхания. Толян подхватил ее и прямо перед собой, метрах в десяти, увидел ЕГО. Темная масса, внешнее подобие человека и огромные блестящие с красным оттенком глаза. Прижав Натку к себе, Толян изо всех сил пустился бежать по берегу Евринского Тумана к поселку. Не доходя до первых домов, он осторожно положил свою ношу на обочину дороги. С легким прикосновением к щекам девушки, он стал звать ее:

— Ната, Ната, ну очнись, что с тобой? Ната!

Она открыла глаза, увидела бледные звезды на сером небе, луну, склонившегося над ней Толяна. И все вспомнила.

Натка, дрожа, вскочила на ноги и спросила:

— Где ОН? Где?

— Успокойся, мы уже в поселке.

Дойдя до первых домов, Толян усадил ее на скамейку, заботливо укрыл своим пиджаком, стараясь успокоить. Она продолжала дрожать и все спрашивала:

— А что ЕМУ от нас надо? Почему ОН второй день нас преследует? Кто ОН?

Действительно, вчера вечером, а вернее ночью, около двенадцати часов, Натка и Толян гуляли по берегу Тумана. Светила луна. Но в белой ночи лунный свет был почти не виден. Вода Тумана была неподвижной, как зеркало, в ней отражались бледные звезды, луна, легкие облака; а возле берега кусты и деревья.

Скоро наступит пора девушке и юноше расставаться. Толян решил ехать учиться на автослесаря в училище, а Натка — продолжать учебу в школе. Предстоящее расставание угнетало обоих. Совместная учеба и жизнь по соседству сблизили их. И не было такого дня, чтобы они не встречались. Но сейчас они мечтали о том, как после двух лет учебы Толян вернется в поселок уже специалистом, а Ната закончит школу.

И вдруг неожиданно впереди темной массой возник силуэт огромного человека с блестящими красноватыми глазами. Испугавшись и не поняв, что это такое, Толян и Натка что было духу бросились бежать к поселку. Договорились молчать. Кому о таком расскажешь? Не поверят, засмеют.

Но днем Толян не удержался и рассказал о встрече своему другу Сергею, по прозвищу Серый, взяв с него честное слово никому ничего не говорить и даже заставил перед клятвой есть землю.

Серый пошел к Натке, чтобы убедиться, правда ли это.

— Толян велел молчать, — вот и все, что он смог узнать.

Вечером на улице встретились все втроем.

— Может, вам показалось? — допытывался Серый. — Может, то был куст, дерево, что-то отражалось на земле? А сходите туда еще разок! И если ОН там, вы увидите ЕГО. Ведь все равно будете гулять всю ночь.

Они и пошли.

Толян первым заметил, что кто-то смотрит на них из-за кустов и движется параллельно берегу вслед за ними.

— Может, Серый с Колькой, — подумал он, — а потом будут насмеяться.

Натка ничего не замечала, она шла очарованная белой ночью, тишиной, покоем, спокойной водой, золотистым упругим песком берега.

И вдруг — опять ОН! Совсем рядом, в каких-то десяти метрах. Огромный человек с блестящими красноватыми глазами. На этот раз они не могли ошибиться. Это ОН! Но кто ОН? Зверь? Человек?

На следующий день после необычной встречи Натка заболела. Врач предположил — нервный срыв.

Что делать?

Толян с Серым решили все рассказать своим друзьям: Кольке, Леке, Сереже Комарову, по прозвищу Комар, чтобы совместно выработать план действий. Вечером собрались у Толяна. Мать у него в ночной смене, отчим работает далеко и дома бывает редко. Так что, говорить можно обо всем и во весь голос — никто не услышит.

С Кольки, Леки, Комара взяли клятву: об услышанном — ни слова.

— Рассказывай, — потребовал Серый у Толяна.

— Ты тоже знаешь — расскажи, а я потом что-нибудь добавлю, — сказал тот.

— Вы слышали, что Натка в больнице? — спросил Серый у ребят.

— Знаем, а что с ней?

— Вчера и позавчера вечером Толян с ней ходили гулять к Туману и там видели такое — в общем, не то громадного человека, не то зверя. Позавчера Натка увидела ЕГО и упала в обморок. Толян вынес ее на руках, а после вчерашнего — опять ОН! Ее положили в больницу. А вообще-то это у нее от испуга.

Колька, Лека и Комар сидели с открытыми ртами, и все вместе уставились на Толяна.

— Расскажи ты! — потребовали они.

— Позавчера мы ЕГО увидели впервые. Вдруг перед нами появился такой как бы громадный человек, глаза у него блестят. Мы метрах в пятидесяти от НЕГО были. Испугались и убежали. Не могли понять: то ли это нам померещилось, то ли было на самом деле. Вчера Серый уговорил нас сходить туда еще раз, это в районе реки Левы. Мы опять пошли. Никого нет, тихо. Думаем, надо же, черт-те что покажется! Успокоились и даже забыли про это. И вдруг я почувствовал, что кто-то как бы следит за нами. Мы идем по берегу, а тот кустами. Я подумал даже, что это вы. И вдруг — ОН! Я ЕГО увидел теперь совсем рядом, метрах в десяти. Громадный, темный, глаза красные, блестят. За нами ОН не погнался. Больше ничего.

— Большой? — спросил Лека. — Может медведь? Медведи тоже большие бывают.

— Нет, не медведь. Медведя я встречал в прошлом году, когда с отчимом на его участок ездил. Тот медведь жил там постоянно. Каждый своим делом занимался. Медведь отчима знал, а тот его.

— Что будем делать? — спросил Серый.

— Кому это надо? — думали ребята. — Кого спросить? С кем посоветоваться?

Толян, как самый старший из всех, решил дело взять в свои руки и предложил ребятам:

— Давайте сделаем так...

Но его прервал, молчавший до сих пор, Комар.

— А ведь Петька Семенов тоже видел! Он Ваньке, брату моему старшему, рассказывал. Я думал, что он врет. Лесом пугает. Значит, это правда!

— Почему же ты молчал? — набросились на него ребята.

— Думал сказки, вранье. А вот сейчас и вспомнил, что Петька про это говорил.

— Значит, так, — повторил Толян. — Ты, Комар, идешь к Петьке и все точно узнаешь: где видел, когда, какой ОН. Все-все до мелочи расспросишь. Потом нам расскажешь. Ты, Лека, книжный человек, вот и поройся в книгах, в журналах. Что узнаешь — тащи сюда. Ты, Серый, к дедам и бабкам. Разговаривать умеешь. Расспроси о старине. О сказках, о том, как раньше жили, охотились, рыбачили. Может и вспомнят что-то похожее. Ты, Коля, иди к учителю биологии, больше не к кому обратиться. Расскажи ему коротко, спроси, что он знает, может и посоветует дельное. Подробности не говори, кто видел, где видел — тоже. Завтра вечером собираемся у меня, и кто что узнал — тот то и расскажет, а после двенадцати ночи пойдем туда, где ЕГО видели. Кто трусит, может не ходить.

Договорились взять с собой ружья и собак.

Три ночи мальчишки шумной ватагой утюжили берег Тумана — никого не было.

Первые новости

Днем каждый из ребят занимался своим делом. Лека рылся в библиотеке. Серый спрашивал стариков. Комар умолял Петьку рассказать ему подробности той давней встречи, но Петька, обидевшись за недоверие, стал говорить, что он все это выдумал и никого не видел.

Лучше дела шли у Коли. Учитель биологии вроде бы сразу все понял и помог тем, что достал институтские книги о происхождении человека. По учебникам, увиденное Толяном существо больше всего походило на шимпанзе или гориллу. Но откуда шимпанзе или горилла заведутся в наших лесах?

И только спустя десять дней ребята узнали, что учитель биологии, Степан Петрович, сообщил своим сокурсникам об увиденном ребятами загадочном звере-человеке и попросил приехать, не посоветовавшись, не спросив у ребят, согласны ли на это они.

А за эти десять дней ребята узнали много нового. Первое сообщение принес Комар. Он все-таки уломал Петьку рассказать подробности встречи, за что его ребята приняли в свою компанию.

— Я видел глаза. Только глаза, может похож, может нет. Не знаю. Откуда у нас снежный человек? — сказал Петька.

Серый же ежедневно ходил от дедов к бабкам, все время что-то расспрашивал, слушал всякие были и небылицы, но пока ничего, что касалось бы ЕГО, того страшного, не слышал. А потом заявил Толяну, что, наверное, надо рассказать о НЕМ хотя бы деду Егору. А то он говорит о каком-то лесном духе, называет его каким-то мансийским словом, но добавляет, что все это давно было и что им, молодым, это знать не нужно. Мальчишки посоветовались и решили, что пусть Серый расскажет деду всю правду, все как есть.

Весь следующий день Серый провел у деда Егора. Мальчишки видели, что он помогал ему развешивать сети для просушки после рыбалки, тащить мотор от лодки. В общем, целый день провел Серый с дедом. И только вечером он явился к Толяну. Вся компания друзей была в сборе, все ждали. Серый, устав с непривычки, — дома-то он был не ахти какой работник — сел на кровать Толяна и сказал:

— Ну, мужики, вот такие пироги! Дед Егор о НЕМ знает, много слышал, а дважды он ЕГО видел еще в молодости, тот его из леса выгонял. Как я только рассказал, кого ты, Толян, видел, он забегал по двору, заругался по-мансийски;

— Ёлнаер, Кульнаер!¹ Опять появился! Я думал, ОН совсем ушел из леса. ЕГО давно никто не видел, не слышал.

— Потом дед Егор расспросил подробно, как и кого ребята видели, и заявил, что это ОН — ХУМПОЛЭН. А по-русски, говорит, ЕГО Комполь называют. Запомните, говорит — Хумполэн! Лес-

¹ Ёлнаер — хозяин, владыка леса. Кульнаер — хозяин, владыка воды. В мансийском языке эти слова используются как ругательства.

ной мужик, дух. И главное, рассказал мне дед, что едва ли мы сможем его поймать. Веками ОН живет в тайге, в лесу. ОН как бы лес охраняет. Раньше ЕГО так и считали хозяином леса. И человека, который причиняет тайге или зверям вред, если кто-то шумит, кричит в лесу в неположенное время, например, весной, когда птица на гнезде, у зверей детеныши маленькие, или разводит огонь в опасном месте, то Хумполэн его из леса выгоняет. Как выгоняет? Дикими криками, наводящими на человека ужас, обычно по ночам, или придет к лесной избушке и так ее потряхнет, что та чуть-чуть не развалится. А если человек лег спать на ЕГО тропе — ночью поднимет, огонь разбросает, собак разгонит. Показывался ОН редко, больше так действовал. Поднимал шум, крик, ломал деревья — человек пугался и уходил.

В редких случаях, когда человек ничего не понимал и не уходил, Хумполэн поступал по-другому: для начала, он делал что-нибудь с собакой охотника. Например, собака заболела и подыхала, могла утонуть или ногу сломать, или дерево могло на нее упасть. А что делать охотнику без собаки в тайге? Но в случае, если человек никак не понимал этого и продолжал творить свои «черные дела», Хумполэн угонял у него лодку, забирал и ломал лыжи, бывало, что неизвестно из-за чего сгорала лесная избушка или исчезали продукты. Так Хумполэн наводил порядок в своих владениях.

— Сказка, — заявил книжник Лека.

— Почему тогда ОН нам показался? — спросил Толян.

— Дед тоже не может этого понять. Говорит, может, ОН хотел пить, вышел к воде и тут вы его увидели. ОН ведь очень редко людям показывается, знает, что своим видом ОН такой страх нагоняет, что люди теряют разум, гибнут.

— Так почему ОН нам два раза показался? — опять спросил Толян.

— Вы, видно, мешали ему чем-то. Вот ОН и решил, что пора с вами покончить! — сострил Коля.

— А сам дед ЕГО видел?

— Нет. ОН деда только дважды из леса выгонял. Дед говорит про себя, что он в молодости дурной был, ну как мы, ничему не верил. Пошел раз на охоту, а ночью на дороге спать лег, костер

развел, вот тут-то его Хумполэн и прогнал. Налетел вихрем, костер разметал, собак разогнал, такой шум устроил, что дед едва ноги унес, с тех пор он уже никогда на тропу не ложился.

— А другой раз?

— Спросил я деда. А он только рукой махнул, ругнулся по-мансийски. После того, говорит, три года в лес боялся ходить. Потом прошло. Обещал в другой раз рассказать. И еще говорит, что бабка Дарья с ним тоже встречалась.

— Айда завтра все к деду! — предложил Серый. — Ему надо дрова в сарай перетаскать, может, он что и присоветует или расскажет о второй встрече. Обещал.

И мальчишки разошлись по домам.

Раздумья деда Егора

Слух о появившемся в лесу Хумполэне не давал деду Егору спать. Он ворочался, кряхтел, вспоминал все, что слышал от древних стариков, все, что сам за всю долгую жизнь знал о НЕМ. И злился, и возмущался! Злился на Хумполэна: где ОН, хозяин леса, был, когда кедрач вырубали?! Появился на пустом месте!

Ходил тогда дед Егор и в совет, и к лесному начальству, доказывал, что нельзя рубить кедрач, что он весь лес кормит. Даже внука Ваньку заставил писать в какую-то газету, сам на почту письмо снес. Но все без толку. Ответа не получил, а кедрач вырубали. Тогда он за каждое дерево жизнь согласен был отдать. Сердце кровью обливалось, когда видел машину, везущую стволы кедрача с колыхающимися ветками. Кедровые ветки как бы махали ветками, кроной, прощаясь навсегда с этим краем. А без кедрача, основного кормильца тайги, жизни в лесу нет. Ушли соболь и китус, медведь и рысь, даже полосатые бурундуки и белки почти исчезли.

Вот что такое кедр!

И вот тогда, когда все хождения деда по защите кедрача кончились неудачей, он и вспомнил Хумполэна, лесного духа. И если бы тогда кто-нибудь сказал, что видел ЕГО, дед, преодолев вековой суеверный страх, пошел бы к НЕМУ и стал просить встать на

защиту кедрача и всей тайги. Но тогда и ОН исчез! Появился только сейчас.

Зачем? Увидеть стволы поваленных, но не вывезенных кедров, пихты, сосны! Где раньше-то был?! А сейчас обрубки стволов, целые деревья, даже штабеля догнивают в лесу. Вырубить вырубил, но не вывезли, не взяли. А часть кедра еще и утопили. Кедр дерево тяжелое, как намокнет, так тонет. Наделали плотов, а кедрача переложили. Вот он и потянул в воду.

— Появился! — злится дед, ворочаясь с боку на бок. — Поздно вато. Да и зачем? Детей пугать? Что ОН свои основные обязанности забыл?

Воспоминания деда Егора

С восходом солнца дед поднялся. Обошел двор, огород, открыл пригон — скоро должна появиться корова с телятком, выпущенная пастись на ночь по этому паутинному летнему времени. Чуть поднимется солнце, обогреет и несметные, несчитанные полчища паутов пригоняют с пастбищ коров, телят, лошадей. Вслед за коровой за забором мелькнула и голова Серого. Дед закрыл корову с телятком в сарае и, улыбаясь поздоровался с Сергеем, уважительно называя его полным именем, за руку по-мужски.

— Тебе-то что не спится? Аль из дому выгоняют? — спросил дед, усаживаясь на чурбаки в холодке. Покурили. Дед трубку, Серый «Беломор». Поговорили о погоде, о заготовке сена, о надоевших и всех измучивших паутах, и только после этого Серый предложил перенести дрова в сарай.

— Мы с ребятами быстро, по холодку! А то потом от паутов отбоя не будет!

К началу дневной жары дрова были перенесены, мальчишки с удовольствием пили холодный квас из погреба, шутили, смеялись, но основное для всех дело было впереди.

Усевшись на чурбаки в сарае, возле аккуратно сложенных полениц дров, они попросили деда рассказать про лесного духа. Слово Хумполэн или Комполь им ничего не говорило, а вот лесной человек или дух — это более понятно. Дед прикурил трубку, глянул на Серого:

— Ты, — кивнув на ребят, — рассказал? Все дружно закивали головами.

— Расскажите нам, может Серый что и напутал. Расскажите, как ОН вас второй раз из леса выгнал, так что вы потом и в лес боялись ходить. Почему, ОН так называется — Хумполэн? Что это значит?

Раскрыв глаза и уши, а кое-кто и рты, мальчишки слушали деда о Хумполэне — «потустороннем мужике» или «мужике с того света» — защитнике леса, зверей и всех лесных богатств.

Память деда собирала и хранила вековые слухи о нем, сказки, легенды, дошедшие до наших дней, в которых упоминалось об этом удивительном чуде природы, неизвестном науке, полуживере-получеловеке. Мифический, суеверный страх и преклонение наводил Хумполэн на народ, живущий на протяжении веков в лесу рядом с ним.

Встреча с «быком»

— У нас ЕГО Хумполэном-Комполем называли, — рассказывал дед, а в деревне Кыйпывыл ЕГО еще «быком» звали. Там ОН Светлое озеро охранял и лес вокруг него — тоже. Дорога от деревни все борами шла и только в одном месте подходила к озеру. Вода в нем была хрустальной чистоты, родниковая, холодная. Каждую травку, камушек на дне видно, каждую плавающую и стоящую рыбину. На озере — сказка. Больше я таких озер за свою жизнь не встречал. Днем по дороге мимо него свободно все ходили, а вот ночью или поздно вечером говорили — нельзя. Сам я этого не видел, только днем там бывал, а все местные поговаривали, да и брат мой Анисим — царство ему небесное — рассказывал. Он однажды не поверил, пошел ночью, хотел проверить — правду ли говорят. Как он мне рассказывал, так и я вам расскажу, — продолжал дед, вновь прикуривая трубку от услужливо зажженной Серым спички.

— Нет, врать Анисим не стал бы. Так вот, пошли они с Кирьяном к вечеру из Кыйпывыл в Выимаас. Уже в сумерках к озеру подошли. Воды из озера попили, грех был такой воды не попить, и стали ждать. Стемнело. Тихо. Лес шумит потихоньку, мужики

потихоньку переговариваются. Никого не видно, не слышно. Брат и говорит Кирьяну:

— Все вранье ваш бык, никого нет. Это от страха кто-то выдумал.

— Да нет. Всех, кто ночью ходил по этой дороге, ОН от озера отгоняет.

Еще посидели и уходить уже собрались, но вдруг, со стороны озера услышали рык, рев. Брат говорил, что было это похоже на предсмертный стон быка.

Даже этот стон ужас наводил. Затем парни услышали тяжелый, быстро приближающийся топот тяжелых ног, вместе с нарастающим рыком и стоном. Рык, сотрясающий землю, топот приближающегося в ночи неизвестного существа наводил ужас. И парни, что было сил, пустились бежать по дороге в Выимаас.

— До моста, только до моста, — задыхаясь от быстрого бега сказал, выдохнув Кирьян.

Перебежав мост через болото, соединяющий два бора, они остановились.

— На мост ОН не ходит, всегда до моста гонит! — задыхаясь, сообщил Кирьян.

— Смотри!

Через небольшой, метров в двадцать, деревянный настил моста виднелось громадное существо. Из глаз и ноздрей, в сторону преследуемых, казалось, летели искры, огромные глаза светились красноватым блеском. У моста топот затих, но утробный стон продолжался. Он леденил душу, наводил ужас, обоих парней подташнивало. Убегая в сторону Выимааса по дороге, они слышали, как топот и утробное мычание стали удаляться и вскоре совсем затихли.

— Всегда так, — сказал Кирьян.

Не дойдя до Выимааса, Анисима действительно стошнило. Успокаивая его, Кирьян говорил:

— Меня тоже по-первости рвало. Сейчас только тошнит и ком в горле стоит. Это пройдет. У многих так было.

За это утробное мычание, отдаленно напоминающее мычание раненого быка, за топот, сотрясающий землю, люди и называли неизвестное существо «Быком».

Молодой был

— Расскажите, как ОН Вас из леса выгнал? Видели ли Вы ЕГО? — стали ребята расспрашивать деда.

Дед Егор сначала отмахивался, не хотел рассказывать, но настойчивые просьбы ребят уломали его. И, как бы отвечая на свои мысли, он начал так.

— Э, давно это было. Я молодой и глупый был. Молодые, наверное, все такие. Раньше-то как жили? Мы, местные жители — вогулы (это сейчас нас называют манси), раньше все охотой занимались. А раз охота, значит все в лесу, в урмане. У каждого рода своя вотчина. И у нас была. В ней дед, прадед, отец охотились и мне по наследству досталась. А раз твоя вотчина — значит ты там полный хозяин. Я так и думал. У нас в вотчине избушка уже старая, ее отремонтировать надо было. Вот отец мой в мае послал меня в вотчину, избушку подладить, посмотреть, что в урмане делается. Пошел я и собаку взял. Был у нас молодой кобель. Балабан звали. Он тоже непуганый, дурной. Пришли в вотчину, я его с поводка отпустил, хотя отец предупреждал, чтобы тихо себя вели. Я по тропе иду, насвистываю. Балабан по урману носится, всех без разбора облаивает, пугает. К избушке пришли к вечеру. Костер возле нее развели, сходили на ближнее озеро, уток постреляли. И только я поужинал да своего Балабана покормил, как услышал, что вроде дерево в лесу упало, аж земля дрогнула. У Балабана шерсть на загривке поднялась, зарычал, а сам к ногам моим жметя. Я за ружье. Тихо. И собака успокоилась. Я костер затушил и в избушку ночевать пошел. Балабан под нары устроился. И вдруг я слышу, что кто-то тяжелыми шагами к моей избушке идет. Думаю, почудилось мне, так нет — у собаки шерсть на загривке щетиной, рычит, а видно, тоже боится. И показалось мне, что дерево упало на мою избушку: треск, грохот, избушка шатается, того и гляди развалится. Невообразимый шум вокруг поднялся, будто буря внезапно налетела, и деревья падают, как во время сильного ветра. И шаги слышу вокруг избушки. Страшно... Сижу, за ружье держусь, собака к ногам жметя. Так вот всю ночь, до рассвета. Только с рассветом шум утихать стал, а потом и шаги удалились. Тихо стало. Досидел я в избушке до восхода

солнца, вышел, смотрю — деревья все целые; ни одного поваленного, никаких следов бури нет, только головешки от костра раскиданы. Я своего Балабана на поводок и домой.

Старики после объяснили: нельзя в это время в урмане шуметь, зверей и птиц пугать. Все потомство выводят. А мы с Балабаном нарушили это правило и за это нас хозяин леса наказал. А видеть я этого хозяина не видел, ОН редко показывается, больше вот так пугает. Сам уйдешь из урмана. После этого я долго боялся один в лес ходить. Вот такая история со мной приключилась, — закончил дед рассказ.

— А что сделать, чтобы ОН к нам вышел? — спросил Серый, выражая мнение ребят.

— Избушку сделайте, да костер ночью в лесу разведите, пошумите. И если ОН здесь, то обязательно придет.

Время шло к обеду, и ребята, поблагодарив деда Егора за воспоминания и совет, разошлись по домам, договорившись встретиться вечером у Толяна.

Первая встреча

Поздно вечером на лесной поляне жарко пылал костер. Ребята сидели кто на чурбаке, кто на валежине, а кто на рюкзаке вокруг него. У каждого было под рукой ружье. Вокруг костра стояла серая мгла. Шло время белых ночей.

Домашним все заявили, что поехали на ночную рыбалку. И только Леке нужно было обязательно, хоть в час ночи, быть дома. Его родители не одобряли ночных прогулок, а если бы еще узнали, что замышляют ребята, то его вообще из дома непустили. Отпросившись погулять, он тайком стащил из сарая отцовское ружье и вот теперь вместе с друзьями сидит у костра, и ждет. Верить или не верить!

Его ребята зовут книжником. Читал он и о снежном человеке. Но раз ОН снежный, то откуда ОН здесь? Где ОН бывает летом? Не верить Толяну с Наткой нельзя, а поверить, что они видели какого-то лесного человека, духа, очень трудно.

— Значит, так, — подвел итог Толян, — если сегодня ОН к нам выйдет или хотя бы покажется, никто не должен бояться! Ведь

уже все знаем, что вреда ОН не делает. Нам надо выяснить, — Толян начал загибать пальцы, — первое — где ОН живет, второе — чем ОН питается, третье — каков ОН на вид. Интересно, где ОН зиму проводит? Но этого пока мы не узнаем, а лучше всего, конечно, нам ЕГО заманить в ловушку. Капроновые сети и веревку ты, Коля, принес? Хорошо! Давайте составим план.

И мальчишки горячо, до крика начали обсуждать план поимки, каждый предлагал свое.

Было уже двенадцать часов ночи. Лека поглядывал на часы. До поселка четыре километра, и если бегом, минут за пятнадцать-двадцать можно добежать. И хотя говорят, что ОН ничего вредного не делает человеку, все-таки страшновато в эту пору идти лесной дорогой.

— Лады, мужики! — Лека, поднялся. — Ловите, планируйте, а мне домой.

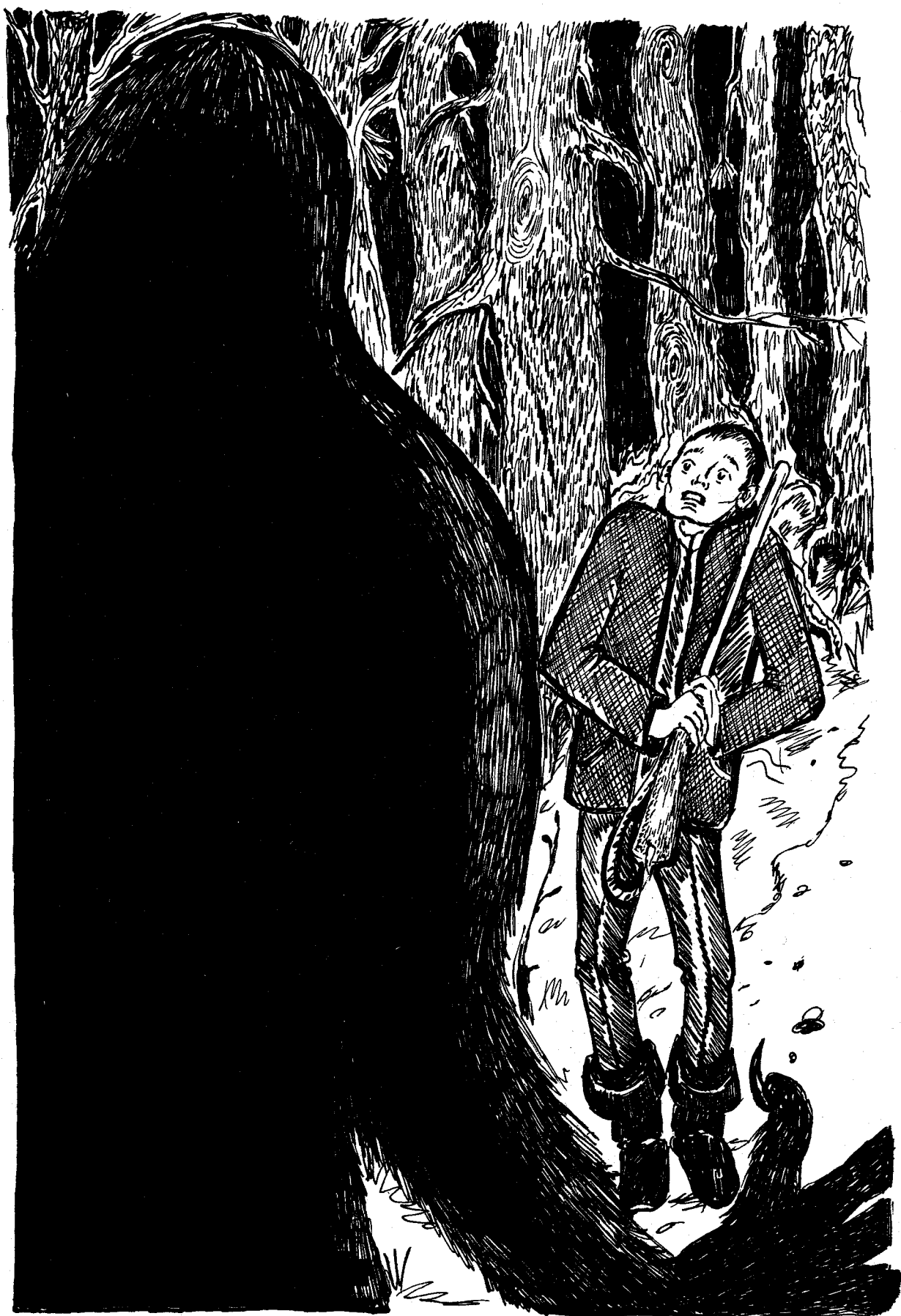
Все примолкли, слушая ночную тишину. Всем вместе сидеть возле жаркого костра — не страшно. А идти одному? И никто не позавидовал Леке. Через Леву — маленькую речушку, впадающую в Туман, Лека переехал на лодке-добленке. До берега его проводили ребята. Подтянув лодку на берег, Лека махнул на прощание рукой, взвел оба курка ружья, положив на них пальцы, и, с ковбойской песней зашагал по тропе.

Мальчишки вернулись к костру. И, еще не успев рассестись, услышали душераздирающий крик и одновременно два выстрела. Все бросились к берегу. Через речку, забыв про лодку, плыл Лека. Ему помогли выйти из воды. Дрожащего, испуганного, мокрого привели к костру, усадили. На все вопросы «Что случилось?» — он не отвечал. И только минут через пять, заикаясь, с трудом, с расстановкой проговорил:

— О-О-ОН та-а-ам! Забрал мое ружье.

И в это время в ночной тишине мальчишки ясно услышали удар о дерево.

ОН! Все схватились за ружья. И вспомнилось: не бояться! Хорошо это днем при солнце, среди людей в поселке или в городе! А среди ночи в глухом лесу, где ходит неизвестный ОН! «Собак бы», — сказал кто-то. И все пожалели, что сговорились не брать с собой четвероногих друзей. Следующий удар о дерево был резче, и маль-

чишки явно слышали тяжелый топот ног. Удары о деревья стали чередоваться со звуками обламываемых сучьев. Все сидели с напряжением, вслушиваясь в то, что делается в ночной тишине.

А ОН, неизвестный зверь или человек, ходил вокруг них, и мальчишки ясно видели, как шатаются ветки на деревьях, слышали топот ног, иногда сотрясающий землю удар. Затем топот прекратился, но что ОН тут, никуда не ушел, мальчишки знали: видели раскачивающиеся деревья, кусты слышали звуки ломающихся веток, кажется, даже ощущали ЕГО взгляды. Но на самом деле никого не видели. Звуки, сопровождающие его передвижение, перемещались очень быстро, так что мальчишки успевали только крутить головами. И когда Серому показалось, что ОН подошел совсем близко к ним, так, что даже костер, как бы шархнул, он не выдержал и первый выстрелил. А звуки, говорящие о ЕГО местонахождении были уже дальше по кругу. Мальчишки начали палить из ружей, бросать дымовые пашки.

И только к восходу солнца была снята круговая осада. Мальчишки чувствовали, слышали, как шире стали круги вокруг них, а затем все стихло. Напряжение спало. Вспомнили и про Леку.

— Наверное, ты ЕГО ранил, вот ОН и расшвирился.

— Расскажи!

— Ружье, — вздохнул он, — что я отцу скажу?

— Рассказывай! — потребовали мальчишки. — А про ружье что-нибудь придумаем.

— Ты в НЕГО стрелял?

— Не знаю. Вы видели, что я пошел по тропе. Боялся — не боялся, а идти надо. Вот я и заорал ковбойские песни, оба пальца на взведенных курках, ружье наготове. Метров тридцать-сорок отошел и вдруг передо мной на тропе ОН вырос. Внезапно! Я с испуга и заорал, и выстрелил. Может в НЕГО, может, нет. А ОН ружье из рук выхватил, и, я видел, как ОН через колоду перескочил и скрылся в лесу. Я по тропе назад к вам. Опомился только в воде, плыву на костер, а тут вы. Какой Он? Не знаю. Громадный. Глаза большущие, красноватые такие. Договорились не бояться, а ОН появился внезапно, вот я и испугался. Никому не говорите, что я орал. Не знаю, как получилось. А ружье... Что я отцу скажу? Зачем ему ружье?

— Бросит, — сделал заключение Толян. — Днем поищем.

После обеда мальчишки вновь появились на поляне. Стали искать ружье и вскоре, недалеко от дороги, нашли, только уже не ружье, а то, что от него осталось.

Перед ними лежал исковерканный и погнутый ствол, ложе ружья, расщепленное на несколько кусков, валялось тут же. На стволе сосны были видны следы ударов на высоте больше метра над землей.

— Вот это да! Дает Лесбег! — в восклицаниях ребят слышались восхищение и ужас.

Утром по дороге домой, мальчишки решили называть ЕГО Лесбегом. Слова Хумполэн они не понимали. А Лесбег это ясно: бегущий по лесу. Сами видели, а вернее слышали, как быстро ОН бежит. Значит, Лес-бег. Решили так, если ЕГО ранил Лека, из-за чего Лесбег и рассвирепел, значит, будут следы крови.

Обшарили всю землю, кусты, пни, траву, но крови нигде не нашли. Только поломанные ветки деревьев на высоте до трех метров говорили о росте Лесбега.

Рассказы бабки Дарьи о прошлом

Бабка Дарья, как считала Натка, была им дальней родней, хотя в гости к ним никогда не приходила, да и сами они к ней не навдывались. Наткина мать и сын бабки Дарьи, Григорий, считались братом и сестрой. В родственных отношениях Натка особенно не разбиралась, а поэтому решила спросить про бабушку Дарью свою бабушку.

— Вражна, — со злостью плюнула ее всегда спокойная бабушка. Больше ничего говорить она не стала и запретила Натке не только идти к ней, а даже и расспрашивать про нее. Бабушка невольно своим отношением и поведением разожгла еще больший интерес к Дарье. Словом «Вражна» в их поселке называли людей, которые занимались колдовством и имели дела с «нечистой силой». Потихоньку от бабушки она решила расспросить свою мать о бабке Дарье.

— Зачем тебе? — удивилась мать.

— Дядя Гриша тебе брат, а вы не роднитесь. Почему?

— Это, Натка, длинная история. Тебе ее знать в подробности не обязательно. Гриша младше меня. У нас с ним один отец, твой дед. Он на фронте погиб. А бабка Дарья добрая. Мать моя, твоя бабушка, ее не любит. На это у нее есть причины. А не роднимся, так ведь каждый из нас со своей матерью живет! Дети Гриши — Петя да Настя — тебе брат и сестра двоюродные. Петя в честь деда, погибшего на фронте назван. Бабка Дарья их вырастила, как и вас ваша бабушка. А раз тебе ее надо, ты с Настей к ней зайди. Она гостеприимна. Узнает, чья ты, еще обрадуется. Она на фронт отца нашего провожала. Тогда он уже с Дарьей жил. Это у него была вторая семья. Очень она его любила. Всю жизнь ждала. Да, наверное, и сейчас ждет.

Так Натка узнала, что за родня ей бабка Дарья. Оставалось одно — через Настю познакомиться. Настя, старшая дочь Григория, училась в параллельном классе. И, хотя Натка знала ее по школе, дружбы у них никогда не было. Да и с первого класса Толян и его друзья заменили Натке подружек.

В школе Натка подошла к Насте и спросила:

— А ты знаешь, что мы родня?

Настя удивленно посмотрела на нее:

— Знаю. Но ведь вы не роднитесь.

— Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

— Бабка Дарья.

— А я не знаю, попроси бабушку Дарью, пусть она и мне расскажет.

— Вечером спрошу, — пообещала Настя.

Так Натка познакомилась с бабушкой Дарьей, стала вхожа в их семью. Та оказалась на редкость разговорчивой, веселой, доброй. Узнав, кто такая Натка, искала черты любимого мужа — внученька ведь! Много и охотно рассказывала о нем. Потом Натка спросила, был ли охотником дед? Как охотился? Что добывал? В ответ, Дарья засмеялась и спросила Натку:

— Твоя-то бабка меня, наверное, до сих пор «вражной» зовет? Вот, ведь сколько лет прошло, дети выросли и состарились, внуки взрослые, а она все простить не может.

— А что значит «вражна»? — в голос спросили Натка и Настя. — Расскажите!

— И что это вас заинтересовало? Ладно уж, я вам, девоньки, расскажу. Только приходи ты, Натка, завтра. А то мне ужин готовить надо, да скотине варить.

С того дня Натка стала бывать в доме у бабки Дарьи, слушать о прошлом житье-бытье, о жизни деревни в годы войны. Начала расспрашивать и о Лесбеге. Дарья называла ЕГО по-русски, словом «худой», а по-мансийски тем же словом, что и дед Егор, Хумполэн-Комполь. А еще добавила, что в некоторых деревнях ЕГО дедушкой лесным звали. Вот, оказывается, у НЕГО сколько имен! А «вражной» ее прозвали за то, что ей в жизни с этим существом пришлось не один раз встретиться. По поверью, в нашем крае встреча с НИМ, с Хумполэном-Комполем, обязательно должна закончиться тяжелой болезнью или смертью.

С детства бабке были уготовлены встречи с НИМ: в молодости, зрелом возрасте и даже два года назад. И только в детстве да молодости, после этого болела. О встречах она всем рассказывала. Вот и прозвали ее «вражной», «колдуньей» — вроде бы слово, какое знала.

— Какой ОН?

— Ой, девоньки, это надо мне ту, старую жизнь вспоминать, да по всей ней шагать.

Родилась я в глухой деревеньке на берегу реки Конды. Деревню ту сначала Половиной звали, а потом по-русски Половинкой. И находилась она как раз посередине, между деревнями Тап и Учинья.

Сейчас-то этих деревень уже нет, там старые мансийские селения были, потом колхоз, а колхозов не стало — все разъехались. Нашей Половинки еще раньше не стало. По первости-то, когда наш колхоз соединили с Учинским, председателя нашего звали «хитрым». Запас сена на два-три года вперед мы делали. Так вот, когда колхозы соединили, весь учинский скот кормить к нам пригнали. Сено за зиму да весну все скормили, а новое в лето не заготовили. Тут зима подошла, сена нет. И давай винить Тихона Григорьевича. Почему нет? Колхозники все в Учинье, сенокосилку и конные грабли по акту передали и увезли. Кто будет заготавливать и чем?

Разобрались. А то малость ведь Тихона не посадили. Вроде враг народа. Вот ведь как бывает. Колхоз у нас был маленький, да

дружный, и сейчас, где встретимся, как родные. Планы все выполнены и перевыполнены. Так, план по рыбе сто двадцать тонн, а мы двести сдадим, план по селу триста тонн — заготовим, да еще не на все сено сводки подадим. Нельзя было. Соседние колхозы проленятся. Им макушку солнце сильно печет в страду, да паут грызет. Вот и заставляют наш колхоз им сено продавать. Вроде излишки у нас...

Видите, вы меня про Хумполэна-Комполя спрашиваете, а я все про свою жизнь говорю, да про колхоз.

Когда я ЕГО первый раз увидела, мне лет семь было.

Однажды на Троицу взрослые поехали в соседнюю деревню Тап погулять. Так раньше было принято. В каждой деревне свой праздник. Жители деревни заранее готовятся встречать гостей, ждут.

Собрались мы, дети, оставшиеся одни в деревне, в один дом, нас где-то около двух десятков было, всех возрастов, и устроили там такой шум, что, наверное, по всей округе слышно было. Васька, мой старший брат, как заведет во весь голос, да с визгом, и давай бегать по всему дому. Русская печь посередине, а мы через кухню, спальню, горницу и прихожую за ним, и каждый кричит вслед за ним, сколько мочи есть. Кто визжит, кто пищит, кто лает.

Потом приморились орать, посидели, отдохнули и вздумали в жмурки играть. И эта игра тоже не тихая. Уж не знаю, сколько времени мы играли. Моя очередь жмуриться пришла. Завязали мне глаза, крутанули раза два и разбежались с визгом. Слышу: кто хрюкает, кто повизгивает, кто в ладоши хлопает. Я давай метаться то за одним, то за другим, да никого не поймаю. Обидно мне стало. Я же младшая в семье была, изнеженная. Мне все угождали. А тут... Я со злости и сорвала повязку с глаз, и... остолбенела.

Стою посреди комнаты, лицом к окну и вижу в верхнем переплете окна лицо человека. Взглядом встретились, я знаю, что завалинки у нас нет, что не может быть такого высокого человека, да и вообще в деревне никого из взрослых нет. Все затихли. Все на меня смотрят, а я — в окно на того человека! Хотела ребятам показать, руку подняла. И... очнулась на полу. Лежу на том же месте, где стояла, все вокруг меня стоят, и — тишина.

Васька, брат старший, испугался. Ему отец, уезжая, наказывал меня беречь, да не напугать. А что случилось, того брат и не

поймет. Разошлись все по домам. А я слова сказать не могу. Только на другой день Ваське все рассказала. Ходили, смотрели. Никаких следов не было, что вроде кто-то приходил. Родителям решили не говорить, а то Ваське попадет. После этого я долго болела, да бабка у нас в деревне «знающая» была. Молитвами меня отговорила. Вот, так я и встретила первый раз с Хумполэном-Комполем. Это был ОН. Какой ОН? Да я только лицо видела. Обыкновенное лицо человека, только волосами покрыто, глаза большие, блестящие, красноватые. Вот и все, что я увидела тогда и запомнила.

Как узнали, что это Хумполэн-Комполь был? Да кто-то из охотников ЕГО в лесу видел, и следы на снегу были. Слух-то и пошел по деревне. Мужики и раньше знали, видели. ОН тут где-то и жил недалеко от деревни.

После, уже при колхозе, тоже люди болтали, что, вроде, Тихон, председатель-то наш, с НИМ дело имел. Пастуха у нас не было — да кто возьмется в наших урманах пасти — так наш скот всегда сам домой приходил. В других колхозах стада по неделям из тайги не могут выйти, а у нас всегда вовремя. Тогда многие грешили на Тихона. Говорили, что он с Хумполэном дружит, дары носит ЕМУ, ублажает, да уважает, вот ОН ему и делает добро. Болтали... Да ведь на каждый роток не накинешь платок.

Встреча с загадочными явлениями

После, когда мне уже лет двенадцать было, я вновь с Хумполэном-Комполем встретила, да тогда я ЕГО не видела. Как? А вот как дело было.

Во второй половине сентября отец со старшим братом за брусничкой в лес собрались ехать. Я к ним:

— Возьмите меня с собой!

— А школа? — отец спрашивает.

— Возьмите, — говорю ему, — ведь я на отлично учусь, хочешь, наперед тебе по книжкам все расскажу. Мария Васильевна, учительница наша, тоже меня отпустила. Спасибо ей.

— Так вот, поехали мы за ягодой: отец, брат старший Василий (он тогда уже парнем был), Гешка — брат постарше меня на один

год, да я. Отец нас повез в родовую вотчину, Василию показать, передать, нас познакомить — раз уж такой случай выпал, что все вместе. На другой день добрались до вотчины. Ехали на маленькой лодке, кедровке, с гребями. По дороге заночевали. Речка туда извилистая течет, узкая, кое-где валежины убирали. Через два озера надо было проехать. Озера речками соединялись. Так и ехали по речке. Моторов тогда не было, все на веслах, на гребях. Да по той речке на моторной лодке и не проедешь. Только так надо. Приехали мы. Бор сосновый, вековой, тихо шумит на берегу озера. Озеро-то как сказка. Берег песчаный, а на песке пена волной выброшена. И конца-краю тому озеру не видно. Бор этот отец называет Пянклохсуй. И говорит это как-то со значением, уважительно, да и голос понижает. Мы с Гешкой переглянулись и заулыбались, чтоб отец не увидел. Думаем, вот собственник. В свою вотчину приехал, да и говорить громко боится. Несколько раз за дорогу он название поминал: Пянклохсуй, да Пянклохсуй. Мансийскому языку нас ни дома, ни в школе не учили. Дети вообще как-то презрительно относились и к языку, и к местным жителям. Многие тогда и национальность свою не признавали. Могли записаться кем угодно по национальности, только не манси. Так что название бора Пянклохсуй нам ничего не говорило, не поняли мы его значение.

Наконец мы приехали. На берегу выгрузились. Стан разбили. Отец с Василием поехали сети ставить на озеро, карасей на уху ловить. Нас с Гешкой на берегу оставили. Дров велели заготовить, шалаш делать.

Уехали старшие. Мы и пошли бор посмотреть. А бор, я вам скажу, красавец. Ни одной сухой палки, чистый-чистый, как подметенный, сосны медноствольные высоченные, крона только на макушке. По всему бору мох, ягель серебристый. А на мху лакированный брусничник с веточками темно-вишневых ягод. Солнце светит, бор чуть-чуть шумит верхушками деревьев.

Прошли чуть дальше, смотрим: а посреди бора как бы дорога песчаная, с одного конца на другой идет. По сторонам сосны вековые, как по струночке. Дорога шириной метра три будет. Я и говорю:

— Смотри, это как аллея в городе.

Взялись мы за руки и по той аллее с одного конца бора на другой побежали, смотрим, дорога не кончается. И давай мы по той боровой аллее бегать, кричать, начали аукаться. Про наказ родительский забыли. Отец с братом даже на озере нас услышали, приехали, да поздно было.

Отец говорит:

— Что вы наделали? Я же вам говорил, что это бор Пянклохсуй, неужели вы не поняли? В нем шуметь, кричать нельзя, а то ночью уснуть не дадут.

— Кто? — Мы с Гешкой в голос. — Здесь никого нет, мы весь бор обежали, никого не видели.

— Уезжать надо, — говорит отец, — или дров заготавливать больше, чтобы на всю ночь на большой костер хватило.

Решили, лучше не уезжать, дров заготовить, все равно никого же нет. Дрова к шалашу натаскали. Уху сварили. Стемнело. Только есть собрались, как из бора со стороны дороги звуки музыки послышались. Будто кто на гармошке играет.

— Началось! — говорит отец. — Это теперь на всю ночь. Вы тут нашумели, вот сейчас и не дадут спать. Давай, Василий, побольше дров в костер, а вы в шалаш, укрыться с головой, и чтоб больше ни звука.

Слышим, будто музыка от дороги — аллеи в нашу сторону приближается, потом под нее как будто протяжные песни запели. Уже совсем близко подходят к нам, и давай вокруг ходить с музыкой и песнями. Как совсем близко подходят, аж костер вроде в сторону шалаша искрами сыплет, тогда отец с братом головешки с огнем кидают в играющих, да поющих. Те чуть дальше отходят. Но, видеть никого не видели. Так было до рассвета. С рассветом все затихло, смолкло. Днем насобирали мы ягод, а на вторую ночь оставаться уже побоялись, уехали.

По дороге и давай отца расспрашивать, что за бор, почему это так, давно ли?

— Я же вам говорил, что это Пянклохсуй. По-русски это примерно так — главный бор чудес, приключений. Или бор, в котором живет Хумполэн, это такой богатырь. ЕГО тревожить нельзя, шуметь нельзя. А тихо — живи сколько хочешь. Вы же, мои дети, вы должны знать родной язык. Ну и что из того, что нас некото-

рые остяками называют? Вы не остяки, вы вогулы, а слово остяк — оскорбительное, значит дикарь, невежественный. Так татары нас называли в ответ на то, что мы их «нермой» звали, что значит «люди нечистой земли». Так раньше было. Все неграмотные были, так и звали друг друга для отличия. Сейчас все учатся, по-другому надо думать, понимать.

— А туземцами почему нас называют?

— Туземцы, я так понимаю, местные жители, люди земли этой. Вы думаете, что туземец означает дурак? Это пришельцы придумали, чтобы свое превосходство показать, да не смешать себя с нами.

Хоть и живут пришельцы на нашей земле, а считают себя людьми первого сорта, а мы местные вроде ниже их, вроде люди — не люди. Но наши деды, отцы на этой земле жили, сейчас вот мы живем, потом ваши дети жить будут. Так жизнь устроена. Здесь наша родина. Этот бор Пянклохсуй — вотчина наших предков. Сейчас я вам его показал, как и мне когда-то отец его показывал.

— А что же все-таки это было? — спросила я, имея в виду ту бессонную и беспокойную ночь. Отец понял меня.

— Здесь живет Хумполэн-Комполь, исполнитель воли предков, как бы страж их. Вот и наказывает ослушников таким образом. Всегда приезжайте сюда. Бор одарит вас всем, что имеет: ягодой, боровой дичью, лесом, озеро — рыбой, болото — клюквой и мхом, если он вам потребуется.

Как драть мох

— Зачем мох? Что с ним делать? — спросил Гешка.

— Дом строить. Что в пазы класть будешь, если мха вовремя не надерешь?

— У нас в поселке дома строят без мха. Паклю привозят. Вон ее всегда сколько возле строящихся домов. Зачем мох? И как его драть?

— Обычно мох весной дерут, но можно и летом. Зимой ты его не возьмешь — болото замерзшее. А как, говоришь, дерут? Очень просто. Ты был на моховом болоте? Так вот. Мох дерут только на моховых болотах. А есть болота торфяные, пошварные — это когда уже болото застарелое, когда лесом начинает зарастать, багуль-

ником, травой разной. Ягодные клюквенные болота тоже не трогают, если они близко к жилью. А то мох выдерешь, а ягоду собирать негде будет. Вот, так и смотришь, где лучше болото, где легче вывозить, где мох длиннее.

— Тятюм, а как драть? — спрашивает Гешка.

Когда дома не было посторонних, а только члены семьи, мы называли отца тятюм — по-мансийски, а при посторонних, на людях, называли по-русски — папа.

— В этом году нам хлев утеплить надо. Вот и надерем мха по дороге, на домашнем болоте, а потом вывезем.

— Немного, — ответил он на мой недоуменный взгляд. На домашнем болоте, а еще называемом почему-то лывой, всей деревней собирали клюкву.

— Я вам покажу, как и что, будете знать. Да и мох не пропадет, а здесь надерем — так бросим.

И вот мы всей семьей на болоте. Отец походил, подергал мох то там, то тут. Показал нам: вот короткий мох, но лучше драть длинный. Взял за ствол и выдернул небольшую сосенку.

— Смотрите, — он начал разворачивать мох в валик и укладывать его на корни сосенки вокруг ствола, — Лучше брать длинный мох, он не разваливается, плотнее в пазы укладывается. На сыром болоте мох не берите. Он мокрый, долго сохнуть будет. Вот такой, полусырой, лучше. Через несколько минут ствол сосенки выше, чем на метр в высоту и сантиметров пятьдесят в диаметре, был обложен мхом.

— На, неси, — поднял за вершинку сосенку отец и подал Василию.

— Куда?

— На бор, близ дороги, на сухое место. Как подсохнет, проветрится, домой увезем. А сейчас каждый по одной сосенке обложите. Я посмотрю, как поняли, научились ли.

Мы очень старались. Мох выдирается и укладывается легко. Аккуратные получились у нас куколки-сосенки из мха, с зеленой веточкой на верхушке.

— А раньше, — добавил отец, — сухой мох в зыбки малым детям клали и по надобности применяли вместо ваты. Он очень мягкий и влагу хорошо впитывает.

Только много лет спустя, когда мы колхозом жили, мне и самой вместе с бригадой приходилось драть мох для строительства конторы, да скотных дворов.

Рассказы тети моей Любови Филипповны

— Ты вот всех расспрашиваешь про Хумполэна-Комполя, тогда послушай, что со мной было. Я вот до старости дожила, но так и не знаю, что тогда случилось, кто тогда там был, но кто-то был... А видеть я никого не видела, поэтому наверное и до старости дожила. По поверью, кто ЕГО увидит, тот умереть должен. Поэтому ты не ищи людей, кто ЕГО видел. Кто на самом деле видел, того уже давно нет на этом свете. Это точно.

А со мной вот, что в жизни было.

Жили мы в деревне Учинья. Это наша родовая деревня. Со старых времен там всегда жили Кауртаевы. Правда, рассказывали, что некогда там жили два рода Кауртах и Каурпах. Но когда пришло время, и всех стали переписывать, записали Кауртаевыми. Так и объединили всех под одной фамилией.

— Что случилось? Послушай и подумай.

Мне тогда уже лет семнадцать было. Дрова я на паре лошадей возила с мыса в деревню. Одна. Почему одна? А с кем еще? Ты что, с ума сошла? Чтоб на паре лошадей да компанией? Кого возить, себя что ли, взад-вперед? Из леса дрова везти надо, а не просто ездить.

У нас недалеко от деревни в ельнике были заготовлены дрова специально для изразцовой печи. Небольшие такие чурочки по тридцать-сорок сантиметров длиной. Отец и отправил меня эти дрова возить. В марте это было. Тогда уже и дни прибавились, и солнце хорошо пригревать стало. Особенно в лесу, в затишье.

Один раз я съездила, привезла дрова. Все хорошо. Поехала в другой раз. Как обычно, пока дрова в дровни укладываешь, лошади кормятся. Я лошадей разнуздавала, сена дала. И дрова укладываю. Один воз уже наполнила, увязала его и за второй взялась. День стоял теплый, солнечный, тихий. Вдруг услышала, в ельнике будто кто-то сухую ветку переломил. Раз, другой. А потом, началось! По всему ельнику будто кто-то сухие ветки,

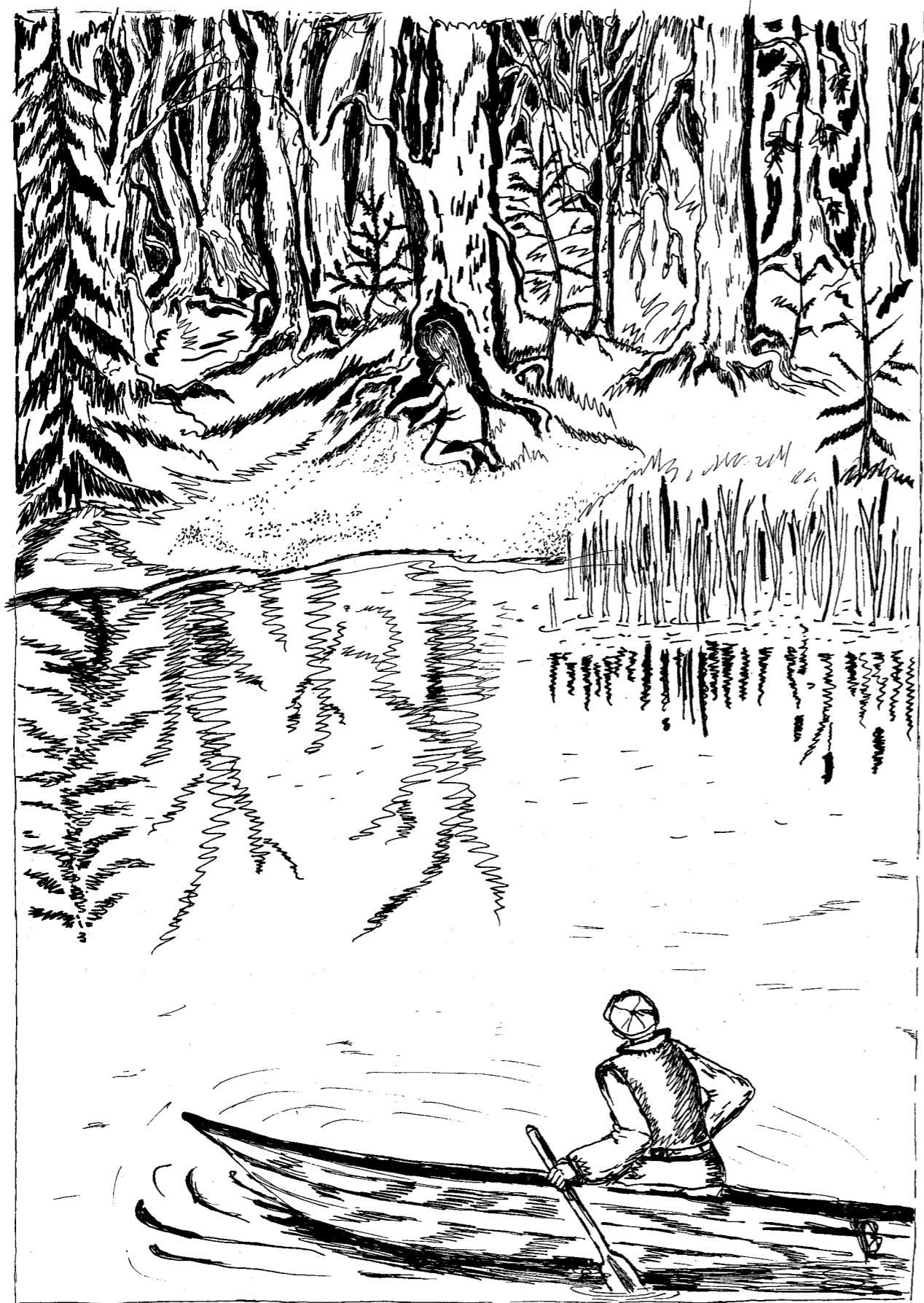
большие и маленькие, ломает. Только треск идет. Кажется, совсем рядом со мной. А я никого и ничего не вижу. Смотрю на лошадей — они спокойно сено жуют. Я торопливо продолжаю дрова накладывать. Вдруг, как мне показалось, прямо над дугой первой лошади, уже не маленький сучок, а толстенный суччище как треснет! Оглянулась — никого нет, а лошади начали ушами водит, головами крутят, забеспокоились. Я быстро к первой лошади, взнуздала ее, к оглобле привернула, чересседельник подтянула и ко второму, еще не уложенному, возу бросилась. Давай его по-быстрому затягивать, иначе по дороге весь воз развалится. Вдруг слышу, кажется совсем рядом, будто елка или пихта на корню запылала: свист, вой, треск... Когда мы пашню корчевали и на корню поджигали ели и пихты, такие же звуки были... Лошади мои уже совсем не стоят, того и гляди рванут в разные стороны. Управилась я со второй лошадей, отвернула Воронушку от оглобли, упала на воз с дровами и скорее домой в деревню. Обе лошади в мыле. Я тоже вся трясусь. Вроде там, на месте, я ничего не боялась, никого не видела. Отцу рассказала. Он, видимо, чтобы меня успокоить, говорит: «Это ельник так трещит по весне от нагревания».

Да на том дело не кончилось. Неделю я металась в жару и бреду. Кое-как меня выходили. Спасибо бабке моей Аграфене. Она меня молитвами и спасла.

Со мной приключилось это в понедельник. Это я точно знаю. И вот почему. В воскресенье обычно у нас в деревне не работали. В субботу обязательно для всех и малых, и старых баня. Такой уж порядок: в субботу обязательно в баню! В тот раз я в бане с бабкой своей Аграфеной мылась. У меня на шее на гайтане два креста висело. Вот, я и говорю ей, что меня никакой леший не возьмет — не один, два креста на мне. А тут такое приключилось! Поправились я. Кресты вместе с гайтаном закинула, да с тех пор больше лба не крестила. Веру потеряла.

Как мне старики позже объяснили, тогда я на тропе Хумполэна-Комполя была, вот ОН меня и гнал, «глаз положил». Я и заболела.

А про Маню тебе рассказывали? Это ведь тоже в нашей деревне было...

Эта девчонка две недели у него жила. Мане семь лет было. Заблудилась в лесу. Долго искали. Нашли след детских ног возле Урая. След в воду ушел. На берегу грязь, хорошо видно. А на другой стороне Урая следов нет и след только в воду ведет. Решили, что утонула. Весь Урай кверху дном перевернули, всю воду с грязью смешали, неводили три дня. Не знали, что и думать. Так все и решили, что погибла она. А случилось это в самую паутиную пору. Не только человека, лосей пауты заедают. Это самое страшное время в тайге. Не дай бог оказаться в это время в лесу ли, на озере ли раздетым. Заедят. А Маня в легком платьице ушла. И вот, через две недели, привозит ее отец мой Филипп Иванович на лодке совсем с другой стороны.

Никто ничего понять не может. Где нашел? Он только рукой махнул. Взял Маню за руку и к родителям. Девочка вроде людей боится, все больше к Филиппу жмет. Не исхудала в теле и ни одного укуса паутов на ней нет. Успокоилась девчонка. Стали понемногу ее расспрашивать. Говорит, что когда заблудилась, очень плакала, по лесу бегала, редела, своих звала. К ней и пришел дедушка. Успокоил и к себе взял. Так все время и жила с ним. Он ее кормил, по лесу водил, спать укладывал. А в последний день привел на берег реки, посидел с ней, покормил ее, кучку песка насыпал и велел никуда не уходить, здесь сидеть, в песочек играть. Сказал, что за ней скоро приедут, а сам ушел.

Филипп едет на лодке-осиновке, смотрит, сидит девчонка на берегу, песочек пересыпает. Ребенок один в тайге? Такого не может быть. Он остановился, не доезжая метров сто до девчонки. Лодку подтянул на берег и не знает, что дальше делать. Спугнуть боится. Потом зашел в лес и стал выходить со стороны леса. Маня как его увидела, испугалась, бросилась бежать и звать:

— Деда, деда, помоги!

Филипп поймал ее — ну куда ребенок от мужика убежит! Кое-как успокоил и повез домой. Девчонка нисколько не исхудала, платьице не рваное, укусов ни комариных, ни паутиных нет. Так и решили, что она у Хумполэна-Комполя жила. Он ее спас и людям вернул.

Встреча на зимней дороге

Продолжение рассказов бабки Дарьи

— На этот раз во время войны уже было, — продолжала рассказывать баба Дарья о своих встречах с Хумполэном-Комполем.

— Какой войны? Да во время первой, германской, я только родилась. Это в нашу было, в Отечественную, хотя тоже с Германией. Почту я возила. Раньше летом использовали почтовые катера (они и сейчас ходят), а зимой от деревни до деревни на лошадях возили. «Веревочкой» называлось. Лошадей специально в каждом колхозе держали. Самых лучших, самых быстрых. Одних распрягают, других в эти же оглобли впрягают, и дальше гремит почта бубенцами хоть днем, хоть ночью.

Так вот, еду я ночью на паре лошадей одна. Дорога хорошая, накатанная. Лошади добрые, да ночь темная. Луна еще не взошла. Дорогу эту я хорошо знаю, не однажды проезжала. И вот только въехала в урман, лошадь остановилась. Фыркает, копытом бьет, а не идет. Что, думаю, такое случилось? И вторая лошадь, следом идущая, тоже что-то забеспокоилась. Я из саней вылезла и к голове лошади, за оглоблю держась, иду. Вожжи держу в руке, думаю, может что-то с упряжью. Осмотрела, проверила, все в порядке.

— Что, — спрашиваю у лошади, — с тобой?

Ноздри лошадиные ото льда очистила, с ресниц иней смахнула. Лошадь пофыркивает, вроде успокоилась, как я подошла. Осмотрелась я кругом и вдруг вижу: впереди на дороге громадный человек стоит и, вроде, еще расти продолжает, все увеличивается и увеличивается. И два красных огонька светятся. Тут я и вспомнила, что мне отец про такое сказывал. Говорил, что без кнута в дорогу ездить не следует. Схватила я кнут, вышла перед лошадью и давай дорогу стегать крест-накрест. Все исчезло. Села я в сани, вожжи тронула, и пошли мои лошади, чуть ли не вскачь.

Вот так я третий раз с Хумполэном-Комполем встречалась.

Встреча на лыжне

Во время войны-то как жили? Сейчас каждый свою работу знает. Только тронь с места, сразу скандал, шум, ругань, недовольство. В суд на начальство подают. А тогда война. Куда надо, туда и пошлют. Во время войны я все делала: сено заготавливала (бригадиром была), рыбу зимой и летом ловила, коров доила, за телятами ходила. Даже конюхом была. Сено с лугов возила. А в ту зиму меня на заготовку леса в лесоучасток отправили. Как отправили? Да просто. Придет колхозу план — пять человек на лесозаготовки, пятерых и должен колхоз послать. Вот все вместе и решаем — кого? Мужиков нет, одни бабы. Выбирают таких, у кого детей нет или есть с кем оставить. Меня везде и толкали — у меня мать, царство ей небесное, жила со мной. Вот, я Гришатку с ней и оставляла. Так я и попала на лесозаготовки. Хорошо еще, что участок был недалеко. Неделю-то мы работаем, а в субботу пораньше кончим и — домой. От нашей деревни до лесоучастка километров двадцать было. Так мы, наши деревенские, лыжню напрямую проложили и на лыжах домой ходили. Хоть и припозднимся, а по лыжне все равно придешь.

А из дому как уходить неохота! Вот мы с Анной, моей напарницей, и припозднились. Идем по лыжне. Знаем, что остальные уже давно ушли, еще засветло, видим, что впереди нас тоже кто-то идет. Нас даже зло взяло. Прокладывать лыжню никто не хотел, даже смеялись, мол, ничего не выйдет, а ходить ходят! Тогда мы все друг друга знали, вместе работали, вместе жили. Мы с Анной и решили догнать, узнать кто это? Приналегли на лыжи, бежим. Ночь лунная — хорошо видно. Ближе подбегать стали, понять ничего не можем — вроде человек это и не человек. Метров десять до него осталось, когда точно поняли: не человек это! Похож, но очень высокий. К нам ОН спиной был. Потом как свистнет! Аж куржак с деревьев посыпался!

Мы с Анной с лыжни в сторону, и напрямик через лес (тут недалеко зимняя дорога проходила) убежали. Не оглядывались, ничего больше не видели. Страх как напугались. С тех пор вдвоем не ходили. Уж как идем, так все наши деревенские. Так компанией и ходили до конца сезона. С тех пор Хумполэна-Комполя в нашем крае никто не видел.

Встреча на лесной дороге

Обязанности Коли — раз в десять дней отвозить продукты отцу. Его отец — рыбак. В этом году он взял речку, поставил там запор, и, как говорят местные, «сидит» на речке. За запором нужен глаз да глаз. Отлучиться даже на несколько часов нельзя. Надо ежемесячно прочищать запор от мусора, листьев, валежника, приносимого рекой. Да и сама вода живая, так и норовит подмыть запор то с одного берега, то с другого, а нет — так и дно подмоет. Пустить воду — рыба вся уйдет. Вот Коля и отвозит отцу продукты, сообщает домашние и деревенские новости, подменяет отца в работе.

На этот раз вместе с Колей на речку поехал и Серый. Порванные сети и веревки, принадлежащие Колиному отцу, должны были получить какое-то объяснение. Мальчишки не могли придумать, что сказать. А правду говорить нельзя.

И хотя Колин отец и рыбак, и охотник, и сам не из трусливых, но знать ему о Лесбеге пока не надо. Будет думать, может и встревожится. Ведь он один в тайге, где на десятки немеряных верст нет ни одной человеческой души. С ним живут две собаки, два его верных друга. В случае какого-либо несчастья собака приходит домой, если пес приходит без хозяина — это признак несчастья. Так считается в нашем таежном лесу — краю рыбаков и охотников на протяжении многих веков. Знают это все. Знают и мальчишки, и они тоже имеют преданных охотничьих лаек.

Вместе с Колей и Серым пошли и их собаки — Урман и Найда. За ними увязался и брошенный кем-то из рабочих бездомный пес Нерон. «Пусть, — решили мальчишки, — с ним даже лучше. Он тоже таежник».

Целый день они провели возле запора, помогали укрепить его, расчищали, черпали саком рыбу в садок.

Только к вечеру дядя Ваня отпустил ребят домой. Десять километров на велосипеде, да еще по хорошей дороге — одно удовольствие.

Но как только они выехали с тропы на лесовозную, когда-то хорошую, дорогу, у велосипеда, на котором ехал Серый, спустилось заднее колесо. Они провозились больше часа. Уже стало темно.

Собаки все время находились рядом. И только когда ребята подъезжали к поселку, Нерон, а за ним Урман с Найдой свернули в лес.

Мальчишки по лаю слышали и поняли, что собаки кого-то нашли в лесу, и, главное, теперь гонят прямо на них, на дорогу, по которой они едут. «Зайца», — решили они. Мирно беседуя, ребята поехали дальше. Дорога выходила на поле, а за полем уже был их поселок.

И вдруг впереди них посреди дороги, на фоне серого неба, метрах в тридцати, как-то мгновенно возникла чья-то фигура. Громадный темный человек в прыжке, стрельнув по ним взглядом мгновенно скрылся на другой стороне дороги. Ребята хорошо видели, как ОН повернул слегка голову, видели и ЕГО красноватые глаза.

Как Коля и Серый оказались на земле, они не помнят. Только увидели свои велосипеды, которые дружно ехали сами к тому месту, где только что находился Лесбег. Это был ОН!

Серый схватил с плеча ружье. Патроны! А патроны в рюкзаке. Пока развязывали дрожащими руками рюкзак, на дорогу выскочили собаки, тоже искоса глянули на ребят и умчались с лаем вдогонку.

Серый выстрелил. Постояли. И молча пошли к велосипедам.

— След должен быть на этой песчаной дороге! — как-то сразу осенило ребят, и они бросились к тому месту, где только что видели Лесбега.

След был. Вот он, след, перед ними. Мальчишки замерли, присели, осторожно потрогали его руками, надеясь найти его даже теплым. Громадная босая правая нога. Осторожно по воздуху измерили четвертями, начали рассматривать.

— Смотри, Серый, пальцы! Какие огромные! А почему два мизинца? Точно — два! Да нет, ты считай, у него шесть пальцев на ноге! А из них два мизинца. Гляди, вот один, два, а вот эти одинаковые, два маленькие, это мизинцы! Чем бы измерить след? Спички! Есть спички?

Девять спичечных коробков уложилось в ногу Лесбега. Рассмотрев диковинный след, мальчишки начали искать след второй ноги. Но его не было! Ширина дороги десять метров, а следа второй ноги нет! Такого не может быть! Сейчас темно, ночь. Значит, надо осмотреть утром.

Чтобы никто не затоптал след, мальчишки притащили из леса сухих палок, бревен, наломали веток и огородили его. Причем отметили не только видимый след, но и то место, где должен быть след второй ноги. И хотя этой лесовозной дорогой сейчас почти не пользуются, мальчишки — на всякий случай — перегородили ее с двух сторон. К концу их работы вернулись собаки. Урман и Найда подошли и легли с высунутыми языками, каждая недалеко от своего хозяина искоса поглядывая на них. Нерон лег вдали.

Второй раз за свою собачью жизнь встречается Нерон с этим существом, второй раз это существо уходит от него. Запутает следы и исчезнет.

Осторожный стук в раму разбудил Толяна. За окном с велосипедами, рюкзаками и ружьями стояли Серый и Коля с собаками. — Как вы мне нужны! — открывая дверь, сказал Толян.

— Лесбега видели, — в голос заявили друзья. — А главное, ОН след оставил! Девять спичечных коробков в длину, шесть пальцев!

Мальчишки подробно рассказали о встрече, об огороженном ими следе, о поведении собак.

Затем Толян выложил им поселковые новости: днем на теплоходе «Заря» в их поселок приехали трое здоровенных мужиков с тремя огромными ящиками.

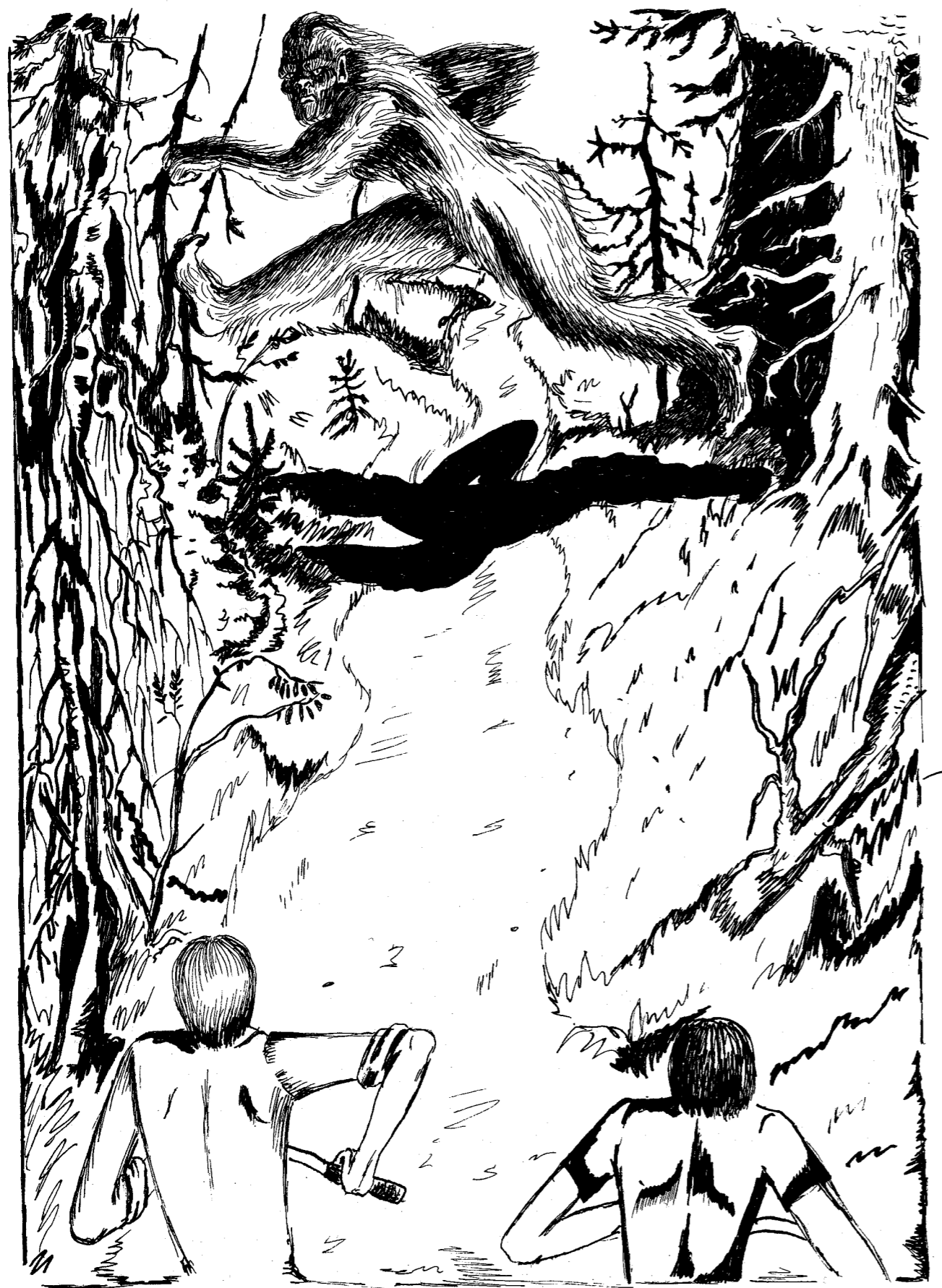
Встреча на Малом Тапу

Продолжение рассказа бабки Дарьи

— А, говорите, что я недавно видела? Видела. Да разве здесь? По Малому Тапу видела. Это откуда добрая сотая верст будет. Расскажи, говорите, да ведь просто так не расскажешь, вы не поймете. Тут уж про жизнь «химиков» надо говорить, как они живут, что делают, да как я к ним попала. Тоже длинная история. Хотите слушать — слушайте. Нет, не буду говорить.

— Расскажите!

— Есть у меня племянник, старшей сестры Лушахи сын. Отец его Виленин назвал. Что за имя такое? Да очень просто, Владимир Ильич Ленин — В. И. Ленин. Он когда вырос, всем объяс-

нять приходилось, что у него за имя такое. Потом надоело, он и переименовал себя. Стал Валентином зваться.

Очень его мать с детства баловала. Что хотел, то и делал. Все ребятишки, бывало, в деревне работают, а он не знает, куда себя деть. На работу его не посылают, дома ничего делать тоже не заставляют, а только все для него. Вот он и избаловался. Молодой еще пить-гулять начал. Хватила после мать, уж поздно было. Так и в жизни. Семьи путней нет, с работы на работу, как рябчик с ветки на ветку прыгает. Вот в химподсочку и подался. Рабочие химподсочки уезжают в лес на сезон, там и работают. А потом приезжают, расчет получают и пьют-гуляют. Это у них вроде уж законно. Так и живут. К нам иногда заходят. Жена у него такая же, как и он сам: работать так работать, пить — так пить.

Собрались они в тайгу ехать, ко мне зашли и давай звать с собой. Изба, говорят, у них там хорошая, теплая, баня есть, речка рядом. В речке рыбы полно. Ягод в лесу — сколько хочешь. Только скучно уж очень. Все вдвоем, да вдвоем. Ты, говорят, хоть дома сиди. Когда еду сварю, от домашних хлопот отдохнешь, лесным воздухом подышишь. Вот и сманили меня. Я и поехала. Все оказалось так, как говорили. Как в раю. Днем они в лесу, к вечеру придут — обед готов. Я им про свои дела, они про свои. С неделю так прожили. Потом Вилька-Валентин засобирился за продуктами на моторе ехать. А нам что? Нас двое, вдвоем не страшно. «Езжай», — говорим. Уехал.

Аганя, жена его, оказывается бутылочку водки припрятала. Вытащила вечером, говорит, давай выпьем, да хоть песен попоем. (А голосистая баба!). Что ты, говорю, голос у меня слабый, да и песен не знаю.

— Не беда! Песни я знаю, ты только подпевай!

Выпили.

И запела моя Аганя. Я тоже пою, да подпеваю.

Начали с «Шумел камыш», а кончили «Подмосковными вечерами». И так это хорошо, песня по всему лесу разносится, эхом возвращается. От души попели. За столом у избы так и просидели до позднего вечера. Спать в избу пошли. Собаки на дворе остались. Только улеглись, слышим, что собаки залаяли и в лес подались. Прийти к нам из людей никто не может, далеко от жилья, да и вода

кругом. Только в моторной лодке можно приплыть, да и то мы бы услышали. Собаки с лаем к нам приближаются, и уже совсем рядом с избой лают. Шаги тяжелые. Собаки уже не лают, а хрипят, потом и храп прекратился. Затем по избе нашей вроде кто хлыстом ударил, слышим, деревья вроде падать начали на избу. Изба вся дрожит. И тяжелые шаги слышны вокруг нее. Кто-то подошел к двери, ждет. Потом за ручку потянул, аж дверь ходуном заходила. Дверь-то мы заранее на крючок закрыли, на замок внутренний, да еще за ручку двери поперек веревкой доску привязали. Слышим, кто-то отошел от двери к окну, и давай в окно в избу заглядывать.

Мы с Аганей видим, что кто-то там есть, но в темноте различить ничего не можем. Да и напугались, не знаем, что делать. Собаки, слышим, только всхрапывают изредка. ОН отошел от окна тяжелыми шагами и давай кружить. Слышим как ходит, иногда нам кажется, что аж деревья на избу валятся, такой шум, треск. Мы ни живы ни мертвы сидим. Вот, обе думаем, допелись. Что будет? А как светать стало, шаги начали удаляться. И у собак вроде голос прорезался, с храпа на лай стали переходить и следом за ним подались в лес. Так и проводили ЕГО уже громким лаем, вернее, ушли за НИМ с лаем. Правда, потом все вернулись. Вот так я ЕГО видела-слышала в последний раз. Нет, недавно это было, года три назад. Я уже вам говорила, на Малом Тапу дело было.

Вот вы все спрашиваете, как видела, какой ОН? А ведь я ЕГО только один раз и видела. Это в детстве. Да я вам про это рассказывала уже. А потом только слышала. Да страху натерпелась.

Охотники и раньше с НИМ там встречались. Знали ЕГО тропы-дороги. Петя мой, ваш дедушка, тогда не один был, их четверо шло на охоту в верховье Тапа. ЕГО видел. Припозднились они. До избушки хотели дойти. Тут-то и встретились с НИМ. У них свора собак. Все собаки и бросились на НЕГО. Видели, как ОН схватил одну из собак и вроде бы бросил ее. Потом так и не нашли ни живой, ни мертвой.

У нас в Половинке тоже ЕГО тропы были. Так говорили охотники, старики, что где увал с увалом сходится через реку, тут и есть ЕГО тропа. Многие из наших ЕГО тогда видели, как ОН через реку с увала на увал переходил. Много про Хумполэна-Комполя тогда по деревьям говорили, многое знали. Ведь мужики все охотники, рыбаки. Это с лесом связано.

С НИМ только случайно и ночью кто-либо может встретиться.

Раньше-то так думали и понимали, что если ты на ЕГО тропу встал, помешал, тогда ОН и тебя наказывает. А если ОН на твоей тропе — ОН сам тебе дорогу уступит и ничего тебе не будет. Только давно ЕГО уже не слышно, не видно.

Никто о НЕМ ничего не говорит. Это сразу как леспромхоз к нам в Конду пришел. Лес вырубать начали. Потом технику нагнали. Хумполэн-Комполь всегда считался хозяином, владыкой. А тут такое началось, что ЕМУ справиться не в силах! Не любит ОН шума в лесу, да против такой техники не попрешь.

— Мальчишки ЕГО недавно видели в лесу недалеко от нашего поселка, даже след одной ноги видели, — сообщила Натка.

— Кто видел? Как видели?

У Насти и Пети от любопытства и нетерпения аж руки чешутся и глаза блестят.

— Мальчишки говорили. Может, зря болтали. Они к деду Егору ходили. У него что-то спрашивали.

— Так говоришь, что след одной ноги? Человечьей? — уже с интересом спросила бабка Дарья.

— А другой и не может быть. Если ходили к Егору Сергеевичу, так он им должен был сказать. Следа второй ноги человеческой не надо искать. Вторая-то нога у НЕГО не человеческая, а, кто говорит — лосиная, а кто — лошадиная. Может, потому ЕГО так и называли Хумполэн-Комполь — полумужик, половина человека. Кое-где, ЕГО за эту ногу еще «жилинькиной ногой» звали. И рассказывали, как от НЕГО спастись можно, если ОН погонится за тобой. Надо на солнце бежать, тогда ОН не видит тебя и не догонит. Или на топком болото, или на янгу выбежать. Вот ОН и тонет в топком месте. Так от НЕГО и спасались в случае нужды.

— Все это сказки! — заявил Петя, ярый реалист. — Мы зоологию учили. Нет таких животных, не может быть, чтобы одна нога — нога, другая — копыто!

— Может, это и сказки, — легко и спокойно согласилась бабка Дарья. — Вы, молодые, все знаете, все учите. Вот вам и узнавать — сказки это или... А когда встретитесь с НИМ, обязательно подробнее рассмотрите. И мне расскажите.

Попытка поймать Лесбега

Узнав многое о Хумполэне-Комполе, мальчишки решили попытаться поймать ЕГО. Долго совещались, спорили. И наконец выработали план действий. Они понимали, что, может быть, это и мечта. Но если ОН здесь, почему бы и не попытаться?

— Ведь наукой ОН еще не описан, и будем мы первыми из людей кто увидит ЕГО. Тебе, Лека, его описать. Вот прославишься на весь мир. Это тебе за страх, что ты испытал при первой встрече.

Мечтам мальчишек не было предела. Они мысленно уже увидели Лесбега пойманным. Заготовили дров для большого костра, да так, чтобы хватило на всю ночь. Со спорами и советами натянули капроновые сети между деревьями, где, по общему мнению, должен проходить Лесбег, наделали петель, какие ставят на лосей и медведей в лесу на тропах, спрятали капроновые веревки, какими будут связывать ЕГО, когда поймают. Работу закончили уже в сумерках.

Разожгли костер, который к ночи должен пылать большим огнем и решили уйти домой. Вторую ночь ужасов ребята переживать не хотели. А на огонь, на костер, Лесбег придет обязательно. В этом они были уверены.

Следующим утром ребята собрались у Толяна с ружьями и собаками. Родителям объявили, что идут на охоту днем, а то, дескать, ночью надоело бродить, да и ничего не видно.

У каждого в стволе были пулевые патроны. Собаки от нетерпения натягивали поводки, повизгивали, заглядывали в глаза хозяевам, звали, просились в лес.

Выйдя из поселка, мальчишки решили идти вместе, но, не доходя до разожженного костра с километр, одновременно отпустить собак и бежать с ними до костра. Собаки учуют, если кто там есть, и помогут, когда надо. Нужно только действовать сообща. Не так страшно, да и в одиночку и не справиться с НИМ.

Костер догорал. О том, что Лесбег здесь был, говорило многое: разбросанные головешки, вывернутый поблизости пенек, откинута от костра сушина. Собаки вели себя спокойно. Толпой мальчишки двинулись в сторону расставленных сетей. Их на деревьях не было! Они лежали чуть в стороне разбросанные по

земле. Тут же лежали и обрывки спрятанных ребятами веревок.

— Дает Лесбег! Во дает! Вот сила! — восхищались мальчишки, не думая о том, что за порванные капроновые сети и веревки им еще придется держать ответ.

Любители мировой славы

Приезд каждого нового и незнакомого человека в поселок был интересен всем. Ребят заинтересовал и приезд этих троих. Опять какая-то экспедиция! Но приезжие, по традиции всех до этого приезжающих экспедиций, не пошли в сельсовет, а напрямик направились в школу. Это еще больше разожгло любопытство мальчишек. А когда гости поздоровались за руку да обнялись с учителем биологии Степаном Петровичем, знавшим их тайну, после этого уж Лека и Комар с них глаз не спускали и решили обязательно узнать, что это за люди и зачем они приехали.

Вечером жена Степана Петровича купила вина, объясняя, что к мужу приехали его институтские друзья.

Стол накрыли на веранде. И пришлось Леке, который бывал в их доме и знал их собаку, пролежать под той верандой больше двух часов.

Петька, Комар и Толян ждали его на улице, вроде как бы гуляли и играли. Оказывается, как рассказал Лека, это действительно институтские друзья Степана Петровича. Он сообщил им о том, кого ребята видели в лесу, и вызвал их. И вот они приехали. Говорят, что это неизвестный науке зверь или получеловек, ЕГО называли еще снежным человеком, и, что если они опишут или поймут ЕГО, то они могут прославиться на весь мир.

Гости надумали завтра с утра позвать Колю и других ребят, порасспрашивать. А мальчишки решили не говорить ни слова! Прославиться-то они и без них могут! Нашлись тоже — за чужой счет, славу себе завоевывать на весь свет! Ничего не выйдет! Хотя бы Степан Петрович их спросил, посоветовался, а то сразу и на тебе — слава на весь мир! Молчать всем! Говорить — сказка, басня, легенда, в общем, кто что выдумает. А след завтра с утра рассмотрим.

Миронов В. М. А.

Утро следующего дня началось с того, что Колю, книжного человека, вызвали в учительскую. Там сидели и те трое. Приезжие его видели впервые, зато он их знал не только в лицо, но знал и их планы.

Побывали в учительской многие мальчишки и девчонки, были там и Толян с Серым. Вранье, выдумки, бред собачий — вот, что услышали «любители мировой славы».

Целых три дня мужчины пытались что-либо разузнать. Ходили по поселку, спрашивали всех, кого могли. И слышали от всех, что сказка это, небылица, вранье. Наконец, забрав свои тяжелые ящики — так и не узнали мальчишки, что в них было, — гости уехали.

Мы еще встретимся, Лесбег!

А след Лесбега, тщательно осмотренный, чуть ли не обнюханный, мальчишки так и держали огороженным. Следа другой ноги, как ни искали, не нашли. Днем облазили все — следа другой ноги не было.

Значит, такими громадными прыжками ОН, Лесбег, прыгает. Не удивительно, что трудно ЕГО было ночью увидеть.

Лесбег исчез. Сколько ни бродили мальчишки по ночам, сколько ни разжигали костры, как ни шумели, Лесбег больше не приходил.

Скоро осень. Ночи стали темнее. Пришла пора друзьям разъезжаться. Кто-то из них идет в школу, кто-то должен уехать учиться в другие города.

Ребята решили собраться всей компанией в последний раз у костра, разведенного рядом со следом Лесбега. И Толян по праву старшего подвел итоги наблюдений:

— Лесбег ведет ночной образ жизни, это мы выяснили. Ночью ОН видит лучше, чем мы днем — это ясно. Какой ОН, мы тоже знаем. Все видели. Рост ЕГО больше двух метров, ОН покрыт темно-серой или бурой шерстью под цвет ночи, нога сорок пятого размера с шестью пальцами, руки длинные. Чем питается? Вот этого мы не знаем. Но зато видели, с какой громадной скоростью ОН передвигается, хотя может и ходить медленно.

Костер затухал. Каждый взял по горстке земли из следа Лесбега, и следа не стало. Они встали, обнявшись вокруг костра, и дали клятву. Эхо повторило ее и разнесло по урману, над озерами и речками, над болотами и лугами, над всем-всем, что называется словом Природа:

— Мы вернемся! Мы еще встретимся, Лесбег!
Шло лето 1981 года.

КРИЧИ СРАЗУ!

Часть вторая

Мечта сбывается

— Значит, в штатные охотники? Похвальное, но не объяснимое явление. Сейчас все молодые хотят на технику. Подавай им машины, вездеходы. А ты в охотники... У тебя, что предки были потомственными охотниками?

— Нет.

— Штатный охотник-промысловик — это тебе не легкий хлеб, а без знания тайги, ее законов... Ну, какой из тебя охотник?!

Директор Евринского Копзверопромхоза не мог понять Сергея. А тот вот уже больше недели обивал пороги отдела кадров, а сейчас пришел к директору.

— И свободных единиц штатных охотников у нас нет. Мы предлагаем вам работу. Нам нужны дизелисты, электрики, плотники.

— Я согласен на любую работу, но с одним условием: как только освободится должность штатного охотника, вы переведете меня. И дайте мне участок урману по речке Нэусье, в ее среднем течении. Вот тут, — и Сергей показал место на висевшей в кабинете карте. — Сейчас у вас, а это я знаю точно, там никого нет.

— Хорошо. Там будет видно. А пока оформляй документы дизелистом, по совместительству будешь выполнять работу электрика. Благо и права у тебя есть и те и другие. И заработок хороший. Понравится — останешься совсем на этих работах.

Еще в армии Сергей рвался на родину, мечтал о тайге, о том самом непонятном существе, что когда-то встречали мальчишками и называли Лесбегом. Кто ОН? Много веков тайга хранит тайну. Видели же ЕГО, своими глазами видели, видели и след на дороге. Но нигде в литературе Сергей не смог ничего найти о таинственном незнакомце. А по рассказам старожилков — ОН живет в тайге веками. Когда же Сергей попытался найти себе собеседника среди товарищей в армии, его подняли на смех:

— Не открывай Америки, Серый! На земле все давным-давно изучено. А это таежные сказки, легенды. Ты же грамотный человек. Забудь про них.

Но к добрым советам друзей и директора Сергей не прислушался. Он добился все-таки того, что его зачислили штатным охотником. Участок он выбрал себе сам, тот самый, где когда-то они с мальчишками встретили Лесбега. Мечта попасть в лес, в тайгу, в урман — сбылась. Сергей прошел по части отведенного ему участка. Что же дальше? Урман как урман. Не зря он и называется урманом — возвышенная, гористая земля, покрытая смешанным лесом. Есть тут и согры, и болота, речки, речушки, озера и озерки. Но больших озер на участке нет, если не считать Евринского Тумана, от которого начинается его участок. Где-то здесь, по словам старожил, обитает Хумполэн-Комполь — лесной великан. Так Сергей называл ЕГО мысленно, для себя и про себя. Он также хорошо помнил и то имя, что дали они мальчишками — Лесбег.

Избушка для охотника, построенная больше десяти лет назад, без ремонта и пригляда почти что развалилась. Стояла она на берегу речки под названием Ирья, притоке Нэусьи.

Больше недели Сергей занимался ремонтом избушки, наводил порядок в ней.

Встреча со старыми друзьями

По приезде в поселок Сергей сразу же навестил Толяна. Тот работал в гараже. Был доволен работой, семьей. Они с Натальей ждали пополнения семейства. Сергей осторожно напомнил о клятве детства, разузнал о друзьях. Коля окончил институт и, по словам родителей, не собирался возвращаться в таежный поселок. Лека, женившись, осел где-то на юге, Петька больше бражничал, чем работал.

— Интересно, кто же это все-таки был? Я так и не могу понять до сих пор. Мы часто вспоминаем нашу компанию, — говорила Наташа, угощая Сергея чаем с пирогами. — Хочешь в штатные охотники на Нэусью? Смотри, Сергей, ведь все рассказы указывают на тот урман. Что ты один сделаешь?

— А что я должен делать? Буду там жить, ходить, смотреть, охотиться и охранять. Я много думал и надумал. Может к НЕМУ надо с добром, а не так как мы в прошлый раз. Возможно, на добро ОН и отзовется.

— Какое же ты ЕМУ добро сделаешь, если по урману ходишь с ружьем да зверье бьешь? — удивился Толян.

— Не знаю. Я и сам не знаю, что сделаю, что и делать надо. Был у деда Егора, тот совсем постарел. Я ему свою мечту рассказал. Он одобрил. Только, говорит, не трепись много. Люди не поймут, смеяться будут. А ты хорошее дело задумал. И еще рассказал, что раньше от стариков слышал, вроде бы ОН, Хумполэн-Комполь, тебя в лесу всегда видит, слышит, знает, о чем думаешь, чего хочешь.

— Иди, говорит, к НЕМУ с добрым сердцем, не бойся. Угощай. И проси, что тебе надо. Раньше охотники всегда так делали. Они об удаче на охоте просили, а ты о встрече проси.

— После нашей встречи ЕГО никто не видел. Иначе бы слышно было, — рассказывал Толян. — Наверное, ушел. Куда-то дальше в тайгу, в урман... Да и где сейчас такие места? По-моему, всю тайгу уже обшарили, вырубил...

Советы деда Егора

Сергей ушел от Толяна с сознанием, что никто из его прежних друзей не желает заниматься тем, что до сих пор так волнует его. Один дед Егор верил, знал и понимал Сергея. Он было и сам в лес собрался, да старческие хвори подвели, ноги отказали. Зато надавал советов:

— Пурлахтен приготовь. Отнеси дары на старинное место подношения. Это не религиозный обряд, а знак уважения. Ночью в избушке не закрывайся.

И рассказал, как найти то самое место, куда веками носили дары хозяину леса.

— Вверх по Нэусье, где крутой поворот на мысу, есть небольшое возвышение. Оно как бы с двух сторон рекой огорожено, от основного леса — рвом. На этом бугре растут только кедры. Их там несколько. Они там как бы шатер образуют. Под ними чис-

то — ни палочки, ни валежники. Место это высокое и очень красивое. Все местные жители знали, что туда лучше не заходить и ничего там не брать. Днем туда еще можно зайти, а вот ночью — нет. Ночевать там не оставайся. И всегда примечай такие места.

— Егор Сергеевич, — обратился Сергей к деду, — я здесь вырос, но ни от кого из ребят о таком не слышал. Мою мать сюда работать направили из Тюмени. Она и привезла меня в эти края ребенком. Что значит — пурлахтен? Такое место-то я найду, а вот что дальше...

— Наши люди исстари чужим своих законов не открывают, а может быть, и умысла в том нет, просто стесняются, или не совсем верят им. Ведь все это как бы законы поведения, уважения к хозяину леса. Так установлено, так и идет из поколения в поколение. Среди людей живешь — особо мир видишь, а как один на один в лесу останешься, то лес тебе и друг и враг. Вроде бы живой он.

— Пурлахтен, — напомнил Сергей.

— Его готовят из муки или крупы. Как заваруха. Масло добавь, посолить не забудь. Сам попробуй, чтобы вкусно было. Потом отнеси в укромное место, поставь там, чтобы собаки не достали, на пень ли высокий, или еще что пригляди и угощай. Говорить-то знаешь как?

— Нет.

— И чему вас только в школе учат? Вот приду я к тебе, как ты меня угощать будешь? Какие слова будешь говорить? А тут ты в лес пришел. Вот и говори так:

— Хозяин леса! Я к тебе пришел. Угощаю тем, что у меня есть. А ты поделись со мною своими дарами. Так охотники всегда говорят. Запоминай. Потом уйди к костру или в избушку, а через некоторое время можешь взять еду и сам съесть. Лучше съесть.

— Почему? Может ЕМУ и оставить?

— Нет, надо обязательно съесть. Чтобы доказать, что ты съедобную пищу подал, ею угощаешь, и сам ею не брезгуешь. Находились такие смельчаки, что подавали несъедобную пищу. Так те в эту же ночь из леса возвращались...

Заповедное место

Сергей в точности выполнил все советы деда. Нашел и тот бугор, который был на мысу. И был до крайности поражен тем, что он там увидел. Бугор этот настолько сливался с окружающей природой и был незаметен издали, что, пройдя от него в нескольких метрах и не зная о его существовании, его нельзя было увидеть. Да и что несколько метров! Даже находясь во рву, который хорошо сохранился до сих пор, можно пройти по нему и не увидеть этого возвышения. Зато с плоской вершины бугра, на котором стояли вековые кедры, образующие шатер над головой, хорошо просматривались окрестности во все стороны. Любое движение внизу было видно. Вершины старых сушин, берез были как будто у тебя под ногами. Более удобного места для наблюдения нельзя было выбрать. Иногда в солнечный день Сергей приходил сюда, садился на край бугра и как будто парил над округой.

Приобретение собаки

Так прошел год. Сергей ходил по своему участку днем и ночью, знал все тропы, большие и малые, но, по его наблюдениям, больше нигде на участке не мог жить-быть Хумполэн-Комполь. Вроде места ЕМУ нигде не оставалось. Не было на его участке места, где бы мог находиться лесной великан — Хозяин леса.

План сдачи пушнины он выполнил, но не больше того. И этот план достался ему с большим трудом. Не было у него доброй охотничьей собаки. Дважды он их покупал, но было все не то. Собаки не признавали его и, в конце концов, или убегали к прежнему хозяину или исчезали неизвестно куда. Жил он в поселке, но большую часть времени проводил в своей сокме. Так на местном языке называют участок урмана, ранее принадлежащий конкретному частному владельцу, а ныне закрепленный за егерем. Его же сокма от Евринского Тумана уходила строго на юг в ширину на добрую сотню километров, а в длину... Да кто их мерил, те таежные километры?

Живя в поселке, Сергей все присматривался к собакам, которые по древнему обычаю, несмотря ни на какие объявления и уг-

розы, свободно разгуливали по поселку. Да и собаки, по-видимому, его знали. Проходя по поселковой улице из леса, он видел, как некоторые из них приносятся к нему и идут за ним до самого дома.

У соседей Сергея жила невзрачная на вид, тощая сибирская лайка. Та вообще при встрече с ним проявляла необыкновенную радость. Хозяин ее, тракторист Валера, в разговоре о ней, заявил:

— Бери. Прибилась откуда-то, вот ребятишки ее и кормят.

Сезон охоты раньше начинался с Покрова. В наши дни с двадцатого октября, длится остаток осени, всю морозную зиму и заканчивается в первый месяц весны — двадцатого марта.

Выполнив план по пушнине к январю, Сергей зимой получил отпуск, чтобы весной вновь поселиться в сокме.

И вот он у себя дома, так именовал он свою лесную избушку.

Апрель в тайге

Апрель — особый месяц в тайге. Весна врывается теплыми лучами, теплыми днями и начинает, как бы будить легким шорохом, треском, свалившимся с пенька, подтаявшим с южной стороны куском снега, веселым ручейком с пригорка. Снег голубеет от яркого солнца и неба, становится невидимым глазу — исчезает.

Но в начале апреля хорош чарым. И Сергей решил по чарыму² обойти приметные места, определить виды на будущую охоту, приметить, где находятся гайно соболей, куниц, белок. Заодно надо проверить собаку, пополнить запас дров у лесной избушки. Из дома Сергей взял пилу «Дружба». Ручной пилой пользоваться он не умел. Вот и пришлось везти в лес и пилу, и бензин. Напилив дров Сергей по утрам по чарыму обходя намеченные места, навещал и лесной ток. Странно вела себя Тайга — так Сергей назвал свою собаку. Он запретил ей облаивать зверей и птиц. Она только скулила и повизгивала, когда чуяла в дупле белку или соболя.

² Чарым — снежный наст, корка снега, образующаяся на снегу во время оттепели.

Часто останавливалась, к чему-то прислушиваясь, далеко не убежала. Сергею казалось, что она без слов понимает его. Так обошли они все приметные места. Чарым держал хорошо, собака бегала свободно, а Сергей легко скользил на лыжах, насвистывая любимые мелодии. Ничего исключительного, ничего примечательного он не заметил. В его лесу, в его сокме все было как обычно. Только вот настораживало поведение собаки...

Посещения деда Егора

Приходя в поселок Сергей, прежде всего, навещал деда Егора. Тот был рад. Расспрашивал про лес, про виды на охоту. Оба обходили молчаливым тему Хумполэна-Комполя. Дед знал, что, если бы и было что новое, Сергей сказал бы, а раз тот молчит, значит, все по-старому. На этот раз он не удержался:

— Хотя и твоя лесная избушка, а заходить в нее знаешь как? После того как дома побудешь?

— Знаю. Ты меня учил, я так и делаю.

— Угощаешь-приглашаешь?

— Обязательно.

— Ты что, на меня сердит?

— Почему?

— А в шапке сидишь...

Сергей сердито сдернул с головы шапку. Он вообще-то собрался пойти в кино, зашел к деду на минутку, вот и сидит так, не раздеваясь.

— Говорил ли я тебе, чтобы ты с дарами или угощением когда... Тоже в шапке?

— В шапке.

— С непокрытой головой раньше-то мужики это делали. А ты выходит, угощаешь, да не доверяешь.

— Почему?

— Шапку не снял, значит, сердит или не доверяешь.

— Что же ты мне, дед, раньше этого не сказал?

— А ты что, не знал?! — удивился дед. — Ведь так исстари ведется. Что же говорить?

Медвежья болезнь

Каждый раз после беседы с дедом Сергей узнавал что-то новое, интересное для себя, для дела, узнавал повадки зверей, птиц, выводывал, когда и где щенятся соболь, белка, сколько детенышей бывает в гнезде. В поселковой библиотеке брал книги про диких животных. Но о животных нашего края там было написано мало. Сергей просматривал старые номера журнала «Охота и охотничье хозяйство», а в этом году выписал его и сам. Но то, что дед рассказывал ему про медведя, Сергей не читал ни в одной книге. Он знал, что медведь в берлоге спит и не спит, что при тревоге он всегда может внезапно выскочить. Дед рассказал, как они убили только что залегшего в берлогу медведя. Желудка практически у него не было, он превратился в небольшую лепешку, полностью заплывшую жиром. Весь кишечник у медведя настолько чист, что ни одна хозяйка так не вымоет, а задний проход как бы пробкой заткнут. Пробка та сантиметров в тринадцать-пятнадцать. Плотная, твердая из мелких палочек, хвоинок и еще чего-то как воск твердого. Видимо, эта пробка удерживает все, что накапливается у медведя в кишечнике. Без такой пробки, даже если медведь сыт и жирен, он погибнет.

И такое наблюдал дед. Случается такое с медведем, если его перед лежкой сильно напугать. Прихватит его медвежья болезнь и, считай, он уже погиб. Видел он однажды такого медведя. По словам деда, такой медведь знает заранее о своей гибели и даже ложится не в берлогу, а где-либо под корчагу или выворотень. Случалось ему находить и такого полумертвого медведя. У него из заднего прохода жир вытекал. Хотя и был тот медведь очень жирен, да умирать лег. Они, звери, видимо, всегда знают, что их ожидает.

Жизнь в лесу

Жизнь в лесу и работа охотника-промысловика накладывает отпечаток на человека, на его характер, и даже на походку. Если у моряков она раскачивающаяся, вразвалку, то и охотника можно узнать по походке. У охотника она неторопливая, спокойная,

а главное легкая и бесшумная. Охотник в лесу чувствует себя частью своего леса, да и не только охотник. Каждый человек, судьба которого связана с лесом, воспринимает деревья, кусты, речки, болота, травы как часть самого себя. Никто не возьмет больше, чем надо для пищи, для сегодняшнего дня. Никто не будет зря губить ни дерево, ни куст, ни рыбу, ни птицу. Даже веточку с куста или дерева такой человек не сломает без надобности, он не вытопчет на болоте мох, не вырвет ягодник. Он не зашумит, не закричит, не выстрелит, особенно вблизи жилья, да и другим не даст это сделать. Человек, живущий подолгу в лесу, сживается и как бы сливается с природой, становится частью ее, не нарушая векового уклада ее жизни.

Сергей за весну и начало лета не один раз побывал в своей сокме. Что-то его манило, что-то его туда звало. Но что? Обходя «тропой оленьей» на этот раз боры и болота по просьбе директора Копзверопромхоза, он примечал места, где ожидается урожай брусники и клюквы. Раньше сбор ягод назывался брусничным промыслом, а теперь сбором дикоросов.

Дикоросы! Слово-то, какое! Промысел... Хоть какой промысел говорит о деятельности Человека. Кондинские беломошники издавна славились вкусной и крупной ягодой. На брусничный промысел, трудный и азартный, природой отведен всего один месяц — сентябрь. Механизации не было, нет, да и не должно быть. Очень хрупка природа края. Современные ягодные комбайны в большинстве случаев вырывают и ягодник вместе с ягодой, и этим наносят, и уже нанесли непоправимый ущерб ягодным борам.

В лесу хорошо думалось, жилось, вольно дышалось.

— Сберегу! Скажу, что в этом году на моих борах и болотах ягод не будет! Пусть отдохнут. Да и лесным обитателям надо оставить, — решил Сергей.

Судьба животного мира Природы

В заливах Евринского Тумана, как всегда, поселилось много диких уток разных пород, куликов, цапель. Были по ранней весне гуси и лебеди. Гуси проследовали дальше на север, а пара лебедей поселились в тихом, неприметном озерке, недалеко от речки

Воны. Всеми силами, как только мог, Сергей оберегал этих птиц, не пуская туда никого из посторонних. Лебедей нельзя тревожить. Если ему удастся сохранить это потомство, то — он знал — и на будущий год птицы этого исчезающего вида вновь поселятся на таежном озере. При «освоении края», как это называли его первые лесники, нефтяники и газовики, многое было уничтожено. Просто так, ради удали. Для начала постарались лесники, свое потом добавили нефтяники и газовики.

Районы, восточнее Уральских гор, на протяжении многих веков кормили, поили, одевали, обували местное население. Новоселы перенимали от них доброе, любовное отношение к природе и ее животному миру, оберегали, а порой и приумножали его богатство.

Современные «покорители», люди двадцатого века, на территории Западной Сибири являлись и довольно часто представлялись не только животному миру края, но и его населению, как варвары. И чем выше начальник, тем мощнее аппетит.

Были среди рабочих людей страдающие и как умеющие защищающие животный мир. Но что может сделать простой смертный человек, даже с ружьем, когда уничтожение всего живого велось (подчас и сейчас это делается, да только более скрытно) с вертолетов, вездеходов и другой техники, которая может догнать, поймать, убить, любое животное. Те же лебеди Конды, о которых печется сейчас Сергей, были на многих озерах расстреляны с вертолетов. Надо заметить, что лебеди для местного населения были священными птицами, на них никогда не охотились ради пропитания. И такая же участь постигла многие стада диких оленей, лосей.

Почему? Что случилось?

Кто знает, что подействовало на животный мир сокмы Сергея, но когда он в очередной раз стал обходить ее, то обратил внимание на большое количество следов оленей, лосей, медведя. На песчаных тропах ясно прослеживалась ночная работа барсуков. Часто попадался помет зайцев, лис. Гораздо больше стало и певчих птиц. То, что увеличилось в этом году количество диких уток раз-

ных пород, его не удивляло. Так и должно быть. Ведь за прошлый сезон на его участке не прозвучало ни единого выстрела. А любое живое существо селится там, где тишина.

Удивило Сергея другое: на его участке появилась очень красивая и необычайно доверчивая небольшая птичка. Головка черная, хвост торчком, вроде бы лохматая, с красными перышками в хвосте и крыльях. Чаще всего она появлялась в бору под названием Аркансуй. Бор этот волнообразно гористый, чистый, на светло-голубом ягеле множество темно-вишневой брусники. Обычно вылетит такая птица на тропу и ждет, когда он к ней приблизится. Потом еще чуть-чуть отлетит и опять ждет. Так и кажется, что нарочно под ногами крутится, внимание привлекает:

— Иди за мной! Иди за мной!

С ветки на ветку порхает, зовет, приглашает...

— Что ей надо? Откуда она появилась? — думает Сергей. Но, зная древнейшее правило тайги от деда Егора, — не ходить за тем, что ярко, красиво, — он не пошел ее догонять, не стал ее ловить.

Вечером, готовя пищу, он вдруг услышал, что напеваает. Вроде бы и не пел, но ясно слышал, что пел. Причем, пел то, что пел когда-то весной, обходя по чарыму свою сокму.

— Заходи, Тайга! — пригласил он собаку. — А то мне и казаться и слышаться что-то начинает.

Собака зашла в избушку, недоверчиво покосилась на хозяина, но прошла и легла на свое место, которое хорошо знала и на котором отдыхала всегда, когда хозяин ее приглашал в избушку. Вела она себя спокойно, как всегда. Зная по рассказам охотников, что в лесу надо больше доверять собаке, чем себе, Сергей успокоился. «А может, и вправду пел... Кто тут еще запоет?!»

Ночной сон и действительность

Поужинав и покормив собаку, Сергей, найдя за день, сразу же уснул глубоким сном. Обычно он спал без сновидений. А эта ночь...

Еще находясь в пологе, вспоминая ночное видение и слушая бесконечную песнь комара, Сергей вдруг услышал звуки заводимой пилы «Дружба». Выскочив из избушки на звук, он понял,

что такого не может быть! Ведь пилу он увез домой еще неделю назад. И тут вновь кто-то дернул шнур пилы, она взвизгнула и смолкла.

Сергей осмотрелся — утро перед восходом солнца, собака стояла рядом вся взъерошенная, рычащая, и тоже смотрела в чащу, откуда доносился звук. Он был бос и раздет. Вбежав в избушку, Сергей обулся, натянул через голову специальный костюм от комаров и, позвав собаку, бросился бежать в чащу за избушкой, откуда слышались звуки. Пробежал молодняк да речки, вернулся назад, осмотрев всю округу, но ничего и никого не обнаружил...

Собака вела себя странно. Она пыталась рычать, но у нее ничего не получалось, как будто горло ее схватили спазмы, она жала к ногам Сергея, щерилась. Но когда он побежал в дальние кусты, что щетиной горбились вдали, она вдруг схватила его за штанину и во всю собачью силу потянула назад.

— Ты что?! — остановился Сергей. А собака в это время, забежав вперед, уперлась передними лапами в грудь хозяина и как бы всем телом, защищая его, не пускала дальше, рычала.

— Ты что? — поглаживая собаку по спине, вновь спросил Сергей. — Что с тобой? Кто там?

Жаль, что собаки не говорят... «Наверное, медведь», — мелькнула мысль, и тут он понял, почему в этом случае его не пускала собака — в руках у него ничего не было! Прижавшись к ноге Сергея, собака, по-прежнему рыча и щерясь, пошла с ним к избушке. Зарядив ружье, Сергей вышел, осмотрел все вокруг — землю, тропу, кусты. Никаких следов нигде не оказалось.

— Что же это такое, — подумал и тут же вспомнил свой сон.

Ночью, во сне, к нему кто-то приходил, о чем-то просил, что-то говорил... Кто это, что это? О чем просил? Что говорил? Какие-то смутные видения, обрывки слов, мыслей... Сергей решительно отверг ночной сон, но почему-то ему вдруг показалось, что между утренним происшествием и его ночным сном есть какая-то неуловимая связь. Но какая?

— Одичали, озверели мы с тобой, Тайга, однако, — говорил Сергей собаке во время нехитрого завтрака. А сам постоянно поглядывал на собаку, нервы у него были на пределе напряжения. Он понимал, что она уловит и даст знать, если появится опасность.

Но Тайга вела себя спокойно, и это спокойствие невольно переда-лось Сергею.

— Что же это было, Тайга? — Сергей погладил собаку. Рука его оказалась мокрой. Тогда он наклонился к ней и стал ощупывать ее всю. Действительно, собака была мокрая, будто только что выкупалась в речке.

— Что с тобой? Почему ты вся мокрая? — Сергей знал, что к воде она вроде бы не подходила. Что же с собакой? Может, заболела? Но до этого непонятого происшествия, этих странных звуков все было нормально. Никаких признаков болезни у собаки не было.

— Домой, Тайга! Рванем-ка мы с тобой сегодня домой, а там видно будет.

Сняв сети и развесив их для просушки и хранения в им же построенный амбарчик, Сергей сложил добытую рыбу в пайбу и, взяв ружье в руки, пошел по тропе к лодке, в километре от стана. Тайга, как ни в чем не бывало, весело бежала впереди хозяина. Сергей хорошо осмотрел тот лесок, куда утром не пустила его собака. Но и тут ничего особенного он не заметил, и собака вела себя спокойно. Следов никаких. Но птицы... Сергея поразило обилие певчих птиц. Казалось, что весь этот небольшой островок, покрытый смешанным лесом вперемешку с черемухой, смородиной, рябиной, малиной, колючими кустами боярышника, был нашпигован птицами. Одни пели, другие чирикали, свистели — целый лесной оркестр!

— Почему я этого раньше не замечал? — подумал Сергей.

ОН здесь!

Лодка-осиновка находилась на своем месте. Речушка совсем обмелела и, подобно змее, извивалась сначала среди соснового бора, а затем по большей части среди пошвара. Дно речушки почти сплошь завалено колодами, полусгнившими или задубелыми. Спешить по такой речке, где русло чуть шире самой лодки, а глубина не больше пятидесяти сантиметров, невозможно. Стоит чуть-чуть зазеваться и нос лодки на очередном повороте уткнется в берег. Здесь, как нельзя лучше, подходят слова: поспешай не спеша.

Как и в других путешествиях по лесу, Сергей держал собаку на привязи. Сейчас она лежала по-хозяйски посреди лодки. Но и тут ее Сергей привязал на короткий поводок к сидению. Храбрость осторожности не помеха. Часто взлетающие из-под носа лодки утки как бы дразнили, а Тайга не всегда могла выдержать это, и, бывало, что выскакивала из лодки на берег, чуть не опрокинув лодку с хозяином.

На одном крутом повороте речушки Сергей вдруг увидел лосиху. Она, стоя на твердом, пологом берегу, преспокойно пила воду из речки. Тайга, тоже увидев, замерла, припав ко дну лодки. Сергей, боясь стукнуть веслом, только рулил и его потихоньку несло течением к тому месту, где стояла лосиха. Лосиха, увидев их, но, видимо, не поняв опасности или же совсем не боясь ничего, как домашняя корова, отошла чуток от берега и продолжала стоять. Проезжая мимо нее, Сергей видел даже как она хлопает ресницами. Следующий такой же крутой поворот речки унес лодку, и лосиха скрылась из виду.

«Странно, — подумал Сергей. — Что же это такое? Птицы разные. Много диких уток. Лосиха. В бору рябчики, много выводков глухаря. Олени, медведи. Может и вправду они, птицы, звери чувствуют доброту человека и поселяются там, где находят защиту?»

И тут вдруг он увидел березу. Много раз ему доводилось проезжать мимо нее, но... Что с ней? Полусухая береза, которая стояла на берегу речушки, оказалась ободранной. Кто? Зачем? Ведь сейчас береста не дерется. Кто и зачем ободрал березу, причем где-то на высоте трех-четырёх метров над землей? Сергей веслом подтянулся к берегу, вышел из лодки и пошел к березе. Собака, оставшись на коротком поводке в лодке, повизгивала.

Сергей начал осматривать березу. Вокруг нее, совершенно свежие, поблескивая белизной, лежали кусочки бересты по четыре-пять сантиметров в ширину, и по пятнадцать-двадцать в длину, еще не начинающие скручиваться.

«Наверное, дятел», — подумал Сергей и тут увидел след: на твердой, но покрытой мхом почве ясно был виден след ноги человека. Но какого?! Длина следа около полуметра, в пятке чуть уже, чем в носке. Ширина ближе к носку сантиметров двадцать с лишним. В

середине стопы след слегка сглажен, но тоже ясно виден. Примерно такой же, как видели на лесной дороге несколько лет назад. Собака в лодке уже не повизгивала, а только приглушенно взлаивала.

Хумполэн-Комполь! Лесбег! Хозяин леса! ОН здесь!

Размышления

Что было дальше, почему он так поступил, даже самому себе Сергей объяснить не мог. Кажется, не боялся сам, успокаивал собаку. Но все-таки сел в лодку и уехал... И только дома, после ужина он смог что-то оценить, сопоставить, понять. Там, где появляется хозяин леса — Хумполэн-Комполь, всегда много диких животных, птиц, зверей. А в этот приезд в сокму Сергей заметил, что их действительно очень много.

«Я мог ошибиться. Но след... Поведение собаки... Значит, ОН подходил к лесной избушке. И сон! Что-то было ночью?! Что? О чем ОН просил? Просил?! Точно, просил. Но о чем?»

Следующую ночь дома Сергей спал беспокойно. Метался, вскакивал, часто просыпался, и снова все повторялось. Утром вновь одолели вчерашние думы. «Да, кстати, — почему я поехал домой? Ведь не собирался, и продукты были. Что же заставило меня бросить работу, уехать? Почему утром сразу же домой? Сон... Что-то связано со сном, — начинал припоминать он. — Да, просьба... Тот, кто приходил ко мне ночью, просил... уйти. Кажется, было указано и время. На сколько дней? Чем я мешал? Да ведь кто-то голоден. Просил оставить пищу и уйти из избушки. Помочь в беде. Дети... Почему каким-то детям голодно и сыро? Что-то должно случиться с погодой...»

Сергей вышел на улицу, пытаясь, что-то понять, припомнить. День был в разгаре. Стояла тишина, та самая тишина, которая всегда предвещает грозу. Сергей ушел на берег Тумана, сел в тени деревьев и под их тенью начал вновь вспоминать ночной сон: будут дожди. Меня на это время просили уйти, убрать собаку, оставить продукты... Но кто просил? Для кого продукты? Что все это значит? Сон или явь? Я сделал все так, как меня об этом просили. Но кто просит? И почему я делаю так, как мне велено? Почему?

Вспомнил! Точно, будут дожди. Эти дни я не должен быть в своей сокме, в своей избушке и я должен сделать так, чтобы никто туда не поехал. Я и ни с кем не говорил! Значит, сон... Сон — явь. Что-то там, в лесу должно случиться... Это и есть помощь.

Не мешать. Оставить продукты. Молчать. Не быть там, в период дождей, — с трудом вспоминал Сергей и вместе с сознанием, что он все сделал так, как его просили, к нему приходило успокоение, уравновешенность, хорошее настроение. Обилие диких животных, птиц, зверей — все это, согласно древним мансийским сказам, говорило о том, что в лесу появился Хозяин. Кто ОН? Хумполэн-Комполь? Лесбег? След нашего Лесбега... Выходит, хозяин леса — Хумполэн-Комполь и Лесбег — одно и то же... Кто кого боится? Я ЕГО или ОН меня? Что за странный способ общения? Я делаю то, что ОН мне велит. Да, точно. ОН просил, я сделал. Может быть, мы оба боимся один другого. ОН меня, я ЕГО... ОН оставил след ноги, чтобы я мог знать: кто Он! ОН моим голосом напевал мои песенки, ОН повторил то, что слышал. Точно! Когда я заводил пилу, она заглохла сначала. И этот звук я снова услышал спустя месяц.

Хумполэн-Комполь, Лесбег! Я все сделаю, как ты просил. Ты слышишь?! Я сделаю!

К вечеру собралась гроза, да такая сильная, с градом, ветром, проливным дождем. Обычно такие грозы проходят быстро, но на этот раз грозовая туча будто потянула за собой с севера серое покрывало. И зарядил мелкий морозящий дождь. Даже не дождь, а так, хмарь, полутуман, полудождь. Резко похолодало. «Выходит, точно, погода испортилась. Дождь, сыро. Значит, Лесбег знал об этом и просил оставить для НЕГО теплое жилье. Дети?! Что-то такое было и о детях?! Может, как раз ЕГО детям надо на это время теплое жилье. Неужели у НЕГО есть дети?! В лес, в свою сокму... Стоп... Нельзя. Пока погода — нельзя. ОН мне не доверяет, боится за детей, за себя. Пока такая погода, я должен быть дома!

Думы и дела Хумполэна-Комполя

Люди называют ЕГО Хумполэном-Комполем. И ОН это знает, читая их мысли. А сам себя ОН называет просто Сюю. Сюю — это свист ветра. И это ОН слышит при быстром передвижении. Свою

женщину-жену ОН назвал Эс. Это тоже свист. Так легче всего обращаться и называть друг друга.

А парня, что живет в лесной избушке, Сюю назвал Не-совсем-охотником. А просто — Хо. Название свое он получил за то, что, по приметам Сюю, Хо не убивает животных и птиц, а больше наблюдает за ними.

Сюю слышал, как ехал по речке Не-совсем-охотник Хо на лодке, знал, что он выходил на берег, видел следы его ног. И ОН точно знал, что Хо понял, кто тут есть, кто просил его уехать. Чтобы проверить Хо, Сюю специально направил к речке лосиху, чтобы она пересекла его путь. Но Хо проехал мимо нее молча, без шума и выстрелов. Это еще больше утвердило Сюю в мысли, что Хо можно доверять, можно попытаться пойти с ним на контакт, заинтересовать его своими заботами, показать ему тот урон, который нанесли лесу люди, попросить его стать ходатаем за все живое, что есть в лесу...

Надвигались проливные дожди, несвоевременные для этого времени года. И ЕГО малышам на этот непредвиденный период могло потребоваться жилье. Да и ЕГО женщине, матери детей, которую ОН так долго искал и с трудом нашел в дальней дремучей тайге на Севере, которую в смертельном бою отвоевал у соперника, а потом увел в свои леса, тоже требовался отдых после появления малышей.

Обычно сам Сюю никогда не пользовался даже жалким подобием жилья людей, находя его вонючим и тесным, но ради своих детей ОН мог пойти на все. Как и каждое живое существо на земле, ОН очень любил свою избранницу и детей. Сюю не разговаривал с женой, как это принято у людей, они понимали друг друга без слов. Даже на больших расстояниях они понимали мысли друг друга. Для этого стоило лишь чуть-чуть напрячься и послать мысленный сигнал-вызов. Так было и на этот раз:

— Уехал, — сообщил Сюю Эс. — Подходи к избушке. Смелее. Заходи и жди меня. Не бойся.

С появлением малышей с Эс что-то случилось. Она по-прежнему понимала Сюю на расстоянии, но повелевать животными, как прежде, не могла. Это ее тревожило, и она постоянно искала защиты у Сюю. ОН же твердо знал, что это временно, но оставлять

ее надолго без своей защиты не мог. Вот почему ОН попросил Хо в те дни покинуть избушку.

Наблюдая за Не-совсем-охотником Хо, Сюю постоянно улавливал его мысли. Тот постоянно кого-то искал, но кого? Иногда ему казалось, что Хо ищет именно ЕГО, Сюю. Но зачем? Человек может просить о добыче, удаче на охоте, но никогда еще у людей не появлялись мысли о встрече именно с НИМ. Если такая мысль кого и посещала, тот усилием воли ее сразу же глушил, так как люди ЕГО пугались и сразу же уходили, уводя своих помощников-собак.

На этот раз, придя в свои владения на берегу мелководного озера, Сюю обнаружил, что с человеком, как всегда, ОН мог поговорить, даже не вступая в контакт. Стоило лишь на расстоянии послать сигнал тревоги, и тот уходил... Так было всегда в ЕГО взаимоотношениях с людьми. На этот раз Сюю не узнал место, где долгие годы жил. В той стороне, откуда вставало обычно солнце, люди прорубили широкую просеку, а деревья растолкали по сторонам, как бы огородив дорогу, по которой день и ночь шли фыркающие железом и гарью чудовища. Такую полосу небезопасно перейти только маленьким зверюшкам, но и ЕМУ, властелину леса, а вокруг озера леса уже совсем не стало. Перепаханная до породы земля была завалена мертвыми стволами и сучьями, втоптаннами в лужи и в землю молодыми деревцами.

Сюю пытался пройти по этому лесу, но перепутанные клубки тросов во многих местах останавливали ЕГО. Впали в состояние тревоги и постоянно сопровождавшие Сюю медведи, олени, лоси. Птицы улетели в поисках других мест для гнезд. Зачем же так? Неужели человек не может разумно взять то, что ему надо, и не оставлять здесь таких чудовищных следов? Почему веками существовавшая ЕГО вотчина должна превращаться в страшное месиво?

А ведь ОН, Сюю, всегда приходил на помощь человеку, приводил к селениям заблудившихся детей, умел мысленно, не показываясь, указать место охоты.

Окончательному решению обратиться через Хо к людям способствовала гибель ЕГО любимой лосихи. Сюю вызвал ее. Лосиха тотчас бросилась на зов, не разбирая дороги, попала в завал из

тросов и деревьев и сломала себе обе ноги. Чтобы прекратить ее мучения, Сюю пришлось усыпить ее навсегда. Так ОН постепенно растерял многих животных, которых считал своими: одни погибли, другие вынужденно ушли за пределы ЕГО мысленных владений.

Сюю решил просить людей оставить хотя бы для немногих животных какой-нибудь участок нетронутого леса от большой воды до лесного потайного озера.

ОН представлял себе, как опасно выйти напрямую к людям, ведь ОН сам вынужден будет прибегнуть к насилию в ответ на злые мысли, которые ОН распознавал даже ранее, чем они приходили в голову недоброму человеку. Надо помнить и о возможности потери разума человеком при встрече... А этот парень Не-совсем-охотник довольно крепок, пожалуй, он выдержит нагрузку «нечистой силой» (непонятные слова, которые ОН несколько раз слышал от людей в свой адрес). Охотничьи интересы ОН знает назубок. Одни разумно пользуются подсказками. А других, не в меру лживых, азартных, как волка из овечьего стада, приходится гнать из леса в три шеи.

Хо устраивал Сюю. Он размышлял и чувствовал ЕГО Сюю, как имеющего право на жизнь.

Сюю, как и все представители ЕГО вида, ведет ночной образ жизни, встреча с человеком может быть или случайной, или преднамеренной. К ней надо долго готовиться, чтобы случайно не превысить силу мысленного приказа. Особенно важно не оконфузиться в этом плане перед Не-совсем-охотником. Это было бы непоправимо.

Срок приезда Сергея приближался. Сюю по-своему готовился к встрече. Главное — полностью исключить страх. Для этого ОН должен приходиться к нему во время сна и в таком состоянии объяснить ему свою просьбу, а заодно попытаться понять и его представление о себе самом.

Итак, Сюю ждет!

Беда и знакомство

В старину наши предки помнили о том, что человек предполагает, а жизнь располагает. Так случилось и на этот раз. И Сюю и Сергей предполагали одно, а вышло совсем по иному.

Помаившись в деревне отведенное время, Сергей решил идти в лес, чтобы хотя бы по краю обойти сокму.

Выйдя на край янги, Сергей пошел по ней, и на мгновение ему даже показалось, что он заблудился. Такого еще не бывало! Им вдруг овладело внутреннее беспокойство, показалось, что кто-то его зовет. Он огляделся и увидел недалеко огромную ворочающуюся фигуру, издающую странное мычание. А тот, «кто-то», явно пытался выбраться из засасывавшей его трясины.

Не раздумывая, Сергей бросился на помощь, и, приблизившись, сразу понял, что помочь не в силах. Вокруг попавшего в беду была сплошная топь. Тонул... Лесбег! В голове Сергея пронеслось: как могло попасть в такую ситуацию столь разумное и могучее существо? Времени на раздумья не было.

И тут он явственно уловил слова:

— И-д-и в и-з-б-у-ш-к-у! Т-о-л-ь-к-о м-о-я ж-е-н-щ-и-н-а с-п-о-с-о-б-н-а в-ы-т-а-щ-и-т-ь м-е-н-я о-т с-ю-д-а! Б-е-г-и! Б-ы-с-т-р-е-е! Н-о п-о-м-н-и, в-о-й-д-я в д-в-е-р-ь, к-р-и-ч-и с-р-а-з-у, с п-о-р-о-га: «Твой мужик провалился в янге Семи яльвилей!».

И Сергей бросился бежать... Вот уже и избушка показалась. Он ворвался в нее и споткнулся о... взгляд нечеловеческой силы. Упав на колени, он исторг громкий крик с такой небывалой силой, что сам не узнал своего голоса: «Твой мужик провалился в янге Семи яльвилей!»

Тут же Сергей увидел дрогнувшие веки и сразу погасшие глубоко спрятанные в глазницах карие глаза. Огромное мохнатое тело метнулось к выходу.

Он, как ему показалось, остался один...

Спустя некоторое время Сергей нашел в себе силы оглядеться. На нарах на сенной подстилке он увидел двух человеческих детей. Он приблизился к ним, удивляясь их розоватым тельцам, покрытым редким светлым пушком. Они недружелюбно сверлили его взглядами. Все у них было, как у человека: рот, нос, глаза,

уши. Только лоб подозрительно быстро убежал назад от бровей. На макушке явно просматривался гребень. Как замороженный, стоял он, не замечая времени, не отдавая себе отчета, где он находится. Сергей пришел в себя лишь тогда, когда увидел широко раскрытый беззубый рот одного из младенцев. Он понял, что его пугают. Так обычно отпугивает от себя неизвестное даже только что вылупившийся цыпленок. Избушка сразу ожила, она наполнилась шорохами и поскрипываниями. Сергей рассмотрел, что головы малышей покоились на животе огромной живой выдры, которая с не меньшим интересом разглядывала его.

Вскоре он услышал характерный посвист, который он ни с чем не мог спутать. Этот посвист извещал о возвращении хозяев.

Две огромные лохматые фигуры ввалились в избушку. Сразу, стало темновато и тесно. На внезапно сторбившихся телах вошедших, на их лицах лежала печать стесненности теми обстоятельствами, вынудившими их предстать среди бела дня перед вечным своим соперником, единственным представителем животного царства, способным противостоять им.

Сергей, чувствуя взаимную неловкость и подавляя поднявшийся из глубины страх, протянул обе руки Сюю. Тот сложил их вместе и осторожно сжал обеими своими ладонями, а потом легко подтолкнул Сергея к выходу.

В беде, которая случилась с Сюю, как позже выяснил Сергей, был виноват человек. Точнее, работники соседнего леспромхоза. Для того, чтобы вывозить лес из отведенного для них участка, но не строить мост через речку, которая собирала всю воду с Янги, рабочие этого участка просто бросили в речку несколько пучков леса. Таким образом образовался мост. По нему и вывозили древесину. Запрудив речку, люди, естественно, забыли убрать брошенные в нее пучки леса. А вода, которая веками уходила по этой лесной речке, в этом случае осталась в янге и затопила всю низменность. Вот в эту ловушку и попал Лесбег.

Долгожданная встреча человека и Хумполэна-Комполя-Лесбега состоялась. Что же дальше?

Сергей до сих пор не может конкретно объяснить (хотя бы себе), как проходили их столь продолжительные разговоры. Все, что

думал Сюю об охране Природы этого края, ОН передал Сергею. Сергей проникся ЕГО бедами и болями, и, главное, понял, что они у них общие. Он ведь тоже не представлял себе жизнь без леса, воды, животных...

А главное, Хозяин леса просил его, Сергея, быть посланником, ходатаем к людям. ОН просил людей не делать того, чего не делает ОН сам. Не устраивать завалы из леса, запруды на речах, не истреблять, не уничтожать животный мир, не оставлять в лесу горы брошенного железа...

Сергей сам, не замечая того, часто думал об этом же.

Теперь ему был совершенно ясен план его ближайшего действия — Евринская сокма должна стать ЗАПОВЕДНОЙ!

Содержание

Часть первая. ЛЕСБЕГ

Кто ОН?	3
Что делать?	5
Первые новости	7
Раздумья деда Егора	11
Воспоминания деда Егора	12
Встреча с «быком»	13
Молодой был... ..	15
Первая встреча	16
Рассказы бабки Дарьи о прошлом	20
Встреча с загадочными явлениями	25
Как драть мох	29
Рассказы тети моей Любви Филипповны	31
Встреча на зимней дороге	36
<i>Продолжение рассказов бабки Дарьи</i>	
Встреча на лыжне	37
Встреча на лесной дороге	39
Встреча на Малом Тапу	41
<i>Продолжение рассказа бабки Дарьи</i>	
Попытка поймать Лесбега	46
Любители мировой славы	47
Мы еще встретимся, Лесбег!	49

Часть вторая. КРИЧИ СРАЗУ!

Мечта сбывается	51
Встреча со старыми друзьями	53
Советы деда Егора	54
Заповедное место	56
Приобретение собаки	56
Апрель в тайге	57
Посещения деда Егора	58
Медвежья болезнь	59
Жизнь в лесу	59
Судьба животного мира Природы	60

Почему? Что случилось?	61
Ночной сон и действительность	62
ОН здесь!	64
Размышления... ..	66
Думы и дела Хумполэна-Комполя	67
Беда и знакомство	71

О. А. Кошманова
ЛЕСБЕГ
Он же
Хумполэн-Комполь
Кондинская быль

Редактор *А. Бурькин*
Художник *Ю. Куршева*
Компьютерная верстка *С. Петрова*

Подписано в печать 20.03.2007. Формат 60×90 ¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 2004.

Отпечатано в ОАО "Издательско-полиграфическое предприятие "Искусство России".
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38, корп. 2.

*Правительство Ханты-Мансийского
Автономного округа - Югры.
Департамент по вопросам малочисленных
народов севера.
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок.*

ООО "Миралл"